

ИВАН
ФИЛИПPOB

ТЕНЬ

 storytel original

Иван Филиппов

Тень

«StorySide AB»

2022

Филиппов И.

Тень / И. Филиппов — «StorySide AB», 2022

ISBN 978-9-18-036796-7

На тихой московской улице машина сбивает юную девушку Соню. Вопреки приказу начальства, найти убийцу пытается следователь Степа Корнеев, за что довольно быстро получает пулю в грудь. Но смерть для Степы - это только начало. Переступив границу между жизнью и смертью, он оказывается в причудливом мире Подмосковия, населенном неупокоенными душами. Здесь ждут решения своей участи москвичи (и гости столицы), погибшие, но оставшиеся без должного погребения. Оказавшись между жизнью и смертью, они живут в постоянно меняющемся подсознании древнего города. Убитые в чумных бунтах и войнах, казненные и замученные, погибшие случайно или по злему умыслу - все жители Подмосковия ждут конца времен. А вот у Степы есть шанс. Город чувствует опасность и помочь предотвратить беду может именно он. Степе предстоит найти загадочного злодея, замыслившего уничтожить Москву. Вот только справится ли он с задачей, ведь еще никогда угроза не была столь реальной... И готов ли Степа стать героем, ведь в мире живых, у него осталось одно незаконченное дело - найти убийцу Сони... Что он выберет: жажду возмездия или возможность предотвратить катастрофу?

ISBN 978-9-18-036796-7

© Филиппов И., 2022

© StorySide AB, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Архангельск. 1988 год	10
Глава 2. Москва. Сентябрь 1812 года	19
Глава 3. Москва. 1315 год	30
Глава 4. ТЕРЕМ. Москва. 1883 год	38
Глава 5. Москва. 1606 год	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Иван Филиппов

Тень

© Филиппов И., 2022

© Storyside, 2022

* * *

Моему папе Борису Филиппову, который показал мне, что история – это не скучно. И моим сыновьям Дани и Никите с надеждой, что и мне тоже это удастся)

Пролог

«Нет, ну как же так можно, ну как? Разве так вообще поступают с людьми?» Мысли путались в Сониной голове, она ускорила шаг. Платье липло к телу, дышать было трудно. Даже по московским меркам этот август вышел запредельно жарким, и спустившаяся ночь не принесла ни капельки свежести. Да еще и туфли натирают... Соня остановилась, пытаясь отдышаться. Только сейчас она поняла, что последние метров двести она не шла, а бежала. Хватит. Невозможно так. Отчаяние уступило место страшному раздражению: ну, если он считает, что так со мной можно поступать, тогда и я... А что, собственно, я? Тоска вновь заполонила Сонину голову. Ну как же так!

Зайдя в любой московский бар даже в таком виде, растрепанная и вспотевшая от быстрой ходьбы, она собрала бы вокруг себя мальчиков, желающих более близкого знакомства. Соня привыкла к мужскому вниманию, в нем не было уже ничего нового и, признаться, даже ничего волнующего. Хотя, конечно, никуда она не пойдет и никого искать не будет. Соня сознательная, ответственная, она никогда не позволяла себе опрометчивых поступков. Даже когда с ней поступают так нечестно и несправедливо. Она опустила на скамейку и закрыла лицо руками.

Вот ведь как в одно мгновение вдруг может поменяться вся жизнь. Нет, про мгновение она преувеличила, но все равно – просто за один день. Раз – и все становится иначе. Проснувшись утром, она ожидала увидеть в телефоне его сообщение. Нет, не ожидала – она знала, что, как только она возьмет телефон в руки, на еще заблокированном экране ее будут ждать слова нежности. Из-за такой сильной уверенности в этом Соня решила сначала принять душ, а потом уже с наслаждением прочитать все, что он написал ей за ночь. Но когда она взяла телефон в руки и в жадном предвкушении открыла Telegram, там было пусто. Ни в мессенджерах, ни «ВКонтакте» – нигде. Пустота. Ворох бессмысленного спама в почте, но ни слова от него. Соня проверила сообщения – может, он за городом и без интернета, но и там ничего.

Казалось бы, что такого. У него тоже есть своя жизнь, и его жизнь не заканчивается на одной Соне. Может, его отвлекли дела, и он забыл? Или не смог? Соня стукнула телефоном об стол. Какие дела у него могут быть важнее нее? Глупо так думать, укоряла она потом себя по дороге на работу. Мы ведь взрослые люди, у нас есть обязательства, учеба, родные... Нельзя быть такой эгоистичной.

Спустя несколько часов от него все еще не было никаких вестей, и Сонин день, и так начавшийся с разочарования, превратился в бесконечную череду огорчений: бесконечную проверку всех мессенджеров и социальных сетей, бесконечную переписку с сестрой, бесконечные жалобы и обвинения. Лиза, Сониная сестра, пыталась убедить ее не паниковать раньше времени. *Все-таки вы не так давно встречаетесь – всего-то три недели, нельзя ожидать от еще столь малознакомого человека постоянной страсти, ведь постоянная настойчивая страсть как минимум утомительна.* Читая Лизины сообщения, Соня только закатывала глаза. Ну как, как объяснить Лизе, что она чувствует? Что они чувствуют?

Он сидел на капоте машины и читал книгу. Сама по себе эта картина была такой необычной, что Соня остановилась. И сразу же рассердилась на себя за это. Не в Сониных правилах было знакомиться с мальчиками на пробежке. Пробежка была временем сосредоточенного напряжения, подготовкой к ежедневной битве за место под московским солнцем. Соня бегала в любую погоду: каждый день десять километров по парку, потом домой переодеться, принять душ, и скорее в офис. Когда-то давно в умной книжке она прочитала о том, как важно придумывать себе ритуалы и не нарушать их, несмотря ни на что. Ритуалы становятся якорем, позволяющим сохранить ощущение размеренной жизни даже в самых ужасных обстоятельствах. И Соне это ощущение было чрезвычайно важно.

Соня знала, как привлекательно выглядит в коротких беговых шортах и спортивном топике. За несколько лет, что она бегала по парку, с ней пытались познакомиться примерно семьдесят мужчин самых разных возрастов, но заговорила Соня лишь с одним из них – маленьким мальчиком, который, глядя ей вслед, тихо прошептал маме: «Мама, а можно я на этой тете женюсь?» Это так растрогало Соню, что она вернулась и с молчаливого разрешения улыбающейся мамы чмокнула мальчика в нос. Мужчины же постарше довольно скоро поняли – пробовать заговорить с ней совершенно бесполезно. Но сегодня все было иначе. Соня осталась сама, и, что самое ужасное, убежать было уже поздно. Сидевший на капоте машины молодой человек почувствовал, что на него смотрят, и поднял глаза.

Ранним утром в московских парках можно встретить что угодно, в чем Соня и убедилась за годы пробежек. Но такой картины она не встречала никогда прежде: на обочине аллеи, по которой машины ездить могли, но очень редко и только с особого разрешения, стоял канаречно-желтый спорткар. Позже он объяснил, что это Maserati и это подарок отца на совершеннолетие. Цвет он выбрал сам. Единственное, что он помнил о маме, это ее желтое платье. Соня тогда не знала всех деталей, да они и не были ей важны. Она смотрела не на машину, а на молодого человека в спортивной форме и дорогих кроссовках, который устроился по-турецки на капоте и был совершенно погружен в чтение. Он читал «Обломова». Соня не выдержала и тихонько рассмеялась, уж слишком нелепой и одновременно трогательной была эта картина.

Убежать было поздно, и Соня сделала вид, что у нее развязался шнурок, а всякие молодые люди, непонятно чем в столь ранний час занимающиеся в парке, ее категорически не интересуют. Точнее, она попыталась так сделать, но вынуждена была сама поднять глаза, когда услышала приближающиеся шаги. Познакомились. Он запер машину и побежал рядом, а потом они просто пошли, и вдруг совершенно неожиданно Соня поняла, что держит его за руку и не хочет отпускать. Миллион мыслей пронеслись в ее голове – я же еще даже душ не приняла, как же так, а он... а ему все равно, что я не накрашена, он такой немножко странный, угловатый, почему я вообще позволила ему до меня дотронуться... впрочем, это оказалось совершенно неважно.

Они делали все то, что делают московские влюбленные: он пригласил ее в свое любимое кафе (страшно дорогое), она застряла в пробке и опоздала на два часа. Он дождался ее, и они пошли гулять по Нескучному саду, по городу и дошли до ее дома. Соня не стала звать его подняться, хотя ей хотелось этого больше всего на свете. Но есть вещи, которые девочки не делают, даже если им очень хочется. Она поцеловала его у подъезда, а потом стояла на лестничной клетке и смотрела, как он уходит. Только он не уходил, сидел на лавочке во дворе и о чем-то думал. «Обо мне. Он думает обо мне», – поняла Соня, и сердце у нее радостно подпрыгнуло.

Никогда раньше она ни в кого по-настоящему не влюблялась, и сейчас это новое чувство захватило ее полностью. Она ждала его звонка, его сообщения, его прикосновения. Но после первого секса ушла в душ плакать в полном расстройстве: ну почему, почему все получилось так скучно, нелепо и неуклюже? Неужели он не идеальный, неужели мы не подходим друг другу и придется расставаться? Мысль эта показалась Соне такой горькой, что она зарыдала, он услышал, и пришлось что-то выдумывать про гормоны, ПМС и всякую неромантическую ерунду. А потом был второй раз, и Соне было так хорошо, что она поцарапала ему спину, и они провели остаток ночи на кухне, замазывая царапины зеленкой.

(Соня улыбнулась – до сих пор на скатерти и на полу ее вообще-то безупречно чистой кухни виднелись недотертые пятна зеленки.)

Соне стало холодно и неудобно сидеть на каменной скамейке. Она со вздохом встала. Было совершенно невозможно облечь в подходящие слова все те мысли и чувства, которые занимали ее последние пять минут. Лизе она все рассказала, но никогда бы не смогла передать ей того сильного чувства, которое заставляло ее страдать и волноваться: не мог, он не мог

просто так взять и исчезнуть. «Мне сердце подсказывает, понимаешь? Он не такой», – написала Соня и сразу же пожалела об этом. Важное для нее чувство, написанное буквами, выглядело пошло и банально. Прагматичная Лиза, любившая свою сестру больше всех на свете, не стала отвечать ей честно. Не стала отвечать, что в Москве много красивых девушек, и, наверное, у мальчика с Maserati есть много возможностей неожиданно увлечься кем-то другим, забыть про Соню. В конце концов, думала Лиза, богатенькие детки избалованны и капризны, на самом деле недостойны ее замечательной сестры. Но все эти мысли она оставила при себе. Да Соня и сама все понимала.

Она задрала голову – впереди над ней возвышалась громада московского Сити: на фоне черного неба мерцающие разными огнями небоскребы смотрелись красиво и внушительно. Электронные часы на башне «Федерация» показывали 23:59. Прошла секунда, а Соня все еще смотрела на часы. Полночь. «Вокруг меня целый город людей, для которых полночь – просто время суток, ничего особенного, а для меня это первые двадцать четыре часа, которые мы провели не вместе».

«Но все же, – мысленно сказала себе Соня, поднимаясь, – все же невозможно, решительно невозможно, чтобы он вот так меня бросил». Она глубоко вдохнула жаркий воздух и огляделась. Соня сидела недалеко от перекрестка. Еще пару кварталов, и она будет дома. Может быть, по дороге зайдет в «Азбуку вкуса» и купит себе вкуснейших эклеров. Зачем вообще нужны круглосуточные магазины, если не для того, чтобы в час печали и тревоги там можно было купить эклеров? Или нет... Соня вспомнила про недопитую бутылку вина и подумала, что половина бутылки холодного австралийского «Пино Гриджио» и какой-нибудь любимый фильм, например «Форрест Гамп», вполне подойдут в качестве если не лекарства, то хотя бы легкого утешения.

Как же жарко и душно! Соня взяла туфли в руку и пошла домой. По пустой улице медленно ехала поливалка, и Соня догнала ее, с радостью подставив ноги под струю тепловатой воды. Поливалка проехала мимо, оставив Соню в полном одиночестве. Она остановилась на перекрестке, ожидая зеленого, но светофор переключился в ночной режим и равнодушно замигал механическим желтым сигналом.

«Ладно. Хотя бы до дома надо перестать мучить себя этими эмоциональными качелями. Домой. Утром все может быть иначе». Соня решительно шагнула вперед. Она не слышала рева разгоняющегося мотора, слишком глубоко погрузилась в грустные мысли. Только в самый последний момент она успела увидеть хищную оскаленную морду канареечно-желтого Maserati MC Stradale.

Удар был настолько сильным, что Соню подбросило в воздух. Мгновение, и на раскаленный асфальт с глухим стуком упало ее искалеченное тело. «Нет, он не забыл про меня», – успела с улыбкой подумать Соня, и прохладная спокойная темнота крепко обняла ее.

* * *

Спортивные автомобили не предназначены для столкновений на высоких скоростях. Капот Maserati пошел волной, бампер отлетел, в разные стороны брызнули осколки фар. Несколько раз машину развернуло на сто восемьдесят градусов, и она остановилась в облаке пара. Секунду единственными звуками на улице были щелканье светофора и едва слышный треск остывающего мотора.

Дверь машины открылась, и из нее вышел высокий человек в костюме. Человек не был ни взволнован, ни удивлен. Лицо его вообще не выражало никаких эмоций. Он внимательно осмотрел повреждения автомобиля и спокойно пошел к месту, где лежало тело Сони. Когда человек открыл дверь, то буквально на мгновение к уличным звукам добавился еще один. Новый и неожиданный. Звук сдавленных рыданий, как будто плачущему не хватало воздуха

на полноценный стон, и он кричал на вдохе. Хлопнула дверь машины, и звук пропал. Человек повернулся к машине и пристально посмотрел на кого-то, кто сидел на пассажирском сиденье. С этим он разберется позднее, сейчас надо было закончить дело.

В другом конце улицы показался небольшой черный фургон.

Человек подошел к телу, по пути подняв с асфальта отлетевший от машины номерной знак. Равнодушно посмотрел на Соню. Удар сломал ей позвоночник, и ее тело застыло в позе, не оставляющей сомнений – она была мертва. Человек брезгливо одернул задравшееся Сонино платье и еще раз оглядел дело своих рук. Потом он достал телефон и отправил сообщение. Убрал телефон в карман брюк и еще раз оглядел улицу: с одной стороны к месту аварии ехал фургон, а в противоположном конце остановилась поливалка. Водитель включил аварийку и вылез посмотреть, что случилось. Он уже почти дошел до места столкновения, но, увидев человека, вдруг бросился бежать. Человек хмыкнул с удовлетворением – обстоятельства складывались еще лучше, чем он мог предположить.

Фургон остановился прямо перед разбитой машиной. Из него вылезли двое в одинаковой черной форме. Пока они возились с дверцей фургона, человек подошел к Maserati, открыл пассажирскую дверь и вытащил из машины юношу. Все его тело сотрясали рыдания. На руках у него были наручники. Человек равнодушно взглянул на юношу, взял его за плечи и развернул к дороге. Они прошли буквально пару метров, когда с ними поравнялся черный Escalade. Мужчина сначала посадил в него юношу, а затем сел сам. Escalade быстро тронулся и вскоре исчез за поворотом, оставив двоих в форме наедине с искореженной машиной и Сониным телом.

Один из них открыл фургон и опустил пандус. Второй же, открыв дверь Maserati, забрался за руль. Слышно было, как он с восхищением говорит о дорогом убранстве машины. Впрочем, когда он попробовал завести ее, мотор лишь обиженно чихнул. Машина мигнула фарами, но заводиться отказалась.

– Бля, толкать придется.

Мужчина в форме со злобой хлопнул дверью.

– Давай, помогай. Времени ноль, ща менты приедут.

Вдвоем они кое-как закатали машину в фургон, закрыли дверь и уехали. На пустынной улице остались лишь брошенная поливалка и Соня.

Где-то вдалеке завывли сирены.

Глава 1. Архангельск. 1988 год

Марина засмотрелась в окно. Первый раз за месяц выглянуло солнце, и видом из их кухни просто нельзя было не любоваться. Их скромный дом стоял на пригорке рядом с широкой рекой, впадающей в море, и из окна она видела ледяные просторы, укрытые снегом, которые так красиво окрашивало в розовый заходящее солнце.

Красота за окном так увлекла ее, что она порезалась об острый край консервной банки, которую взялась открывать. Кровь брызнула из пальца прямо в масляную сайру, и Марина тихонько выругалась. Едва слышно, чтобы дети не заметили. Они так чудесно играли. Точнее, играл маленький Степа: он представлял, будто перегоревший предохранитель, который папа вытащил из электрощитка, – это его ракета, и она отправляется в путешествие к Марсу. Танечка уютно устроилась на диване и, казалось, целиком ушла в «Волшебника Изумрудного города». Из-за большой книги торчали только ее уши.

На секунду Марина почувствовала себя счастливой и залобовалась своим внутренним состоянием, опять забыв про ужин. А забывать было нельзя – скоро вернется Витя... Марина вывалила сайру в кастрюлю с рисом и начала аккуратно перемешивать. Последние минуты перед Витиным приходом для нее всегда были временем максимального напряжения: какой он придет? Марина научилась определять степень опьянения мужа по его походке, по количеству попыток вставить ключ в замок, по тому, как он снимает куртку и какие первые слова произносит, войдя в дом.

Когда-то все было не так, когда-то жизнь Марины не была полна страхом. Витя был юным и подающим надежды художником, они жили в Ленинграде, куда Марина приехала учиться. Наверное, если бы она не уговорила его тогда переехать в Архангельск, жизнь их пошла бы иначе... Но нет. Марина одернула себя. Все было бы точно так же, только в других декорациях. Точно так же надежды, которые подавал Витя, разбились бы о его безнадежную посредственность. Его картины плохо продавались в Ленинграде, а в Архангельске ни он, ни уж тем более его художества оказались бы никому даже даром не нужны. Витя пошел на завод, и Марина на собственном опыте узнала, что нет ничего страшнее, чем художник, обнаруживший у себя отсутствие таланта. Образовавшуюся внутри себя пустоту Витя заполнял водкой. Сначала немного, а потом...

Марина услышала шаги. Неуверенной тяжелой походкой Витя брел от калитки к крыльцу. Устало вздохнула. Задержала дыхание, чтобы лучше услышать: первая попытка – Витя не попал даже в замочную скважину, просто ткнул ключом в дверь. Марина шепотом позвала Таню:

– Таня, бери Степу, и наверх.

Таня все сразу поняла, зажала книгу под мышкой и опустилась на колени рядом с братом. Степа не хотел идти, до старта ракеты оставалось время, а космодром из кубиков еще не был достроен. Таня шепнула что-то ласковое брату, и он обнял ее, разрешил поднять себя с пола и нежно прижался к старшей сестре. Дети убежали наверх, и Марина с удовлетворением услышала, как на щеколду закрылась дверь детской.

Витя одолел дверь с пятой попытки. Марина выдохнула и перекрестилась: главное, пережить вечер. Шатаясь, в кухню вошел Витя: большой, красномордый, дурно пахнущий рыбным заводом и с огромным синяком под глазом. Марина улыбнулась мужу:

– Мы тебя заждались, садись, сейчас будет готов ужин.

Не раздеваясь, Витя угрюмо посмотрел на стол и на рис с рыбой, перевел налитые кровью глаза на Марину.

– А че это ты лыбишься? Не видишь, беда у меня. Упал, глаз повредил. А ты улыбаешься?

Перепуганная Марина, уже осознавшая свою ошибку, бросилась к мужу.

– Дай я посмотрю, давай холодное приложим, и тебе легче станет. Давай я йодом помажу?

Вместо ответа Витя с размаху заехал Марине в челюсть. Она услышала, как хрустнул зуб. От страшного удара она свалилась под стол и больно ударилась об пол. Замерла.

– Будешь знать, как зубы свои скалить, сука.

Марина лежала на полу и думала: только бы пережить вечер, а завтра я уйду. Возьму детей и уйду.

Полицейский Ford Focus припарковался напротив арки пятиэтажного дома. Степа вылез с заднего сиденья, громко хлопнул дверью и моментально пожалел об этом. «Сейчас опять нудеть начнет», – думал Степа. Зажужжало, опускаясь, переднее стекло, и из окна высунулось хмурое лицо старшего лейтенанта Махмудова. Степа всегда подозревал, что Махмудов в полицию пошел именно потому, чтобы его наконец перестали останавливать на улицах. Встретив такое лицо, любой полицейский считал бы своим долгом сразу же волоочь его в участок «до выяснения». На деле же Махмудов был полицейским вполне вменяемым, хотя и занудным.

– Корнеев, ну блять, ну сколько уже раз просил – не хлопай ты дверью так!

Степа буркнул в ответ что-то среднее между «да пошел ты нахуй» и «ладно, не буду» и махнул Махмудову рукой.

– Давай уже. Вечером увидимся.

Уж чего вовсе не хотелось Степе, так это выяснять отношения: только бы добраться до дома, переодеться, закончить последние дела и лечь. Просто лечь и лежать, ждать, пока пройдут выходные и начнется новая неделя, которая, возможно, будет хотя бы чуть-чуть лучше. Пройдя арку, Степа зашагал через двор к своему подъезду.

Осень еще по-настоящему не началась. Стояла та редкая погода, когда в Москве комфортно всем: и тем, кто бесконечно жалуется на страшную жару, и тем, кто вечно недоволен холодом. Солнце медленно садилось, и в сумерках город казался немножко волшебным. Даже его простой пятиэтажный дом выглядел как пряничный домик с венской открытки. Степа немного повеселел и прибавил шаг.

От выходных его отделяло последнее дело. То, что его начальник – полковник Моргунов – называл «возделыванием делянок». Заключалось оно в обходе разнообразных подотчетных заведений и сборе ежемесячной дани. Абонентской, так сказать, оплаты. По должности Степа уже перерос «делянки», но местный участковый был сотрудником одновременно и глупым, и жадным, и полковник передал это дело Степе. С одной стороны, он все-таки следователь, негоже ему такими делами заниматься, не по званию. С другой – Степа видел в приказе полковника знак определенного уважения. Степа Моргунова бесил. Ежедневно и бесконечно. Но сотрудником он был хорошим и, главное – в отличие от большинства своих коллег – не стеснялся спорить с начальством. Эту независимость, эту готовность к спору и ценил в нем Моргунов, уставший от бесконечного холуйства остальных подчиненных. Хотя это было лишь Степиным предположением. Вполне возможно, что делянки были просто наказанием за излишнюю Степину борзость. Как бы то ни было, Степа решил принять задание с достоинством и не жаловаться.

Открывая дверь в квартиру, Степа еще из прихожей услышал могучее кошачье мурчание. Это мейн-кун Васька, друг и соратник, вышел встречать его. Васька, если уж быть совсем честным, был единственным близким Степе человеком. Точнее, котом. Но воспринимал его Степа все равно как равного и отношения с ним очень ценил. Среди людей ему не нравился почти никто, годы службы и длительный опыт общения с самыми разными людьми окончательно разуверили Степу в человеческом роде, а вот коты его пока не подводили. Васька терся о Степины ноги и просил есть.

– Пошли поужинаем, – крикнул коту Степа, направляясь на кухню.

Три года назад, когда от Степы ушла жена, он научился готовить. Не обычное стереотипное «папа может», макароны с пельменями или яичницу, а по-настоящему готовить. Степа умел печь пироги, делать плов, он освоил десяток салатов, ни в одном из которых не было майонеза, а однажды сумел исполнить даже вполне съедобное харчо. В каком-то смысле такова была компенсация за обвинения в том, что он бессмысленный бытовой инвалид, которые на протяжении нескольких лет он слышал от своей «бывшей». Получалось смешно: после ее ухода Степа стал именно тем, кем она пыталась сделать его все эти годы, – самостоятельным мужчиной, способным заниматься домом. Степа гордился, хотя оценить его новые качества было совершенно некому. Ну, может быть, кроме Васьки.

Впрочем, сейчас у него не было сил, да и времени тоже. Готовить что-то второпях было совершенно бессмысленно, и Степа полез в шкаф за «дошиком». Великое все-таки изобретение человеческое, думал Степа, включая чайник. Заварив лапшу, он вышел на балкон и закурил. Мысли его непроизвольно сразу же переключились на события последней недели, и он помрачнел.

Степа не был хорошим полицейским и даже, по правде сказать, хорошим человеком. Однако ни то ни другое обстоятельство не мешало ему никогда ни в жизни, ни в работе. Он был в меру разумным, исполнительным и неамбициозным. С точки зрения его непосредственного начальника полковника Моргунова, если бы не Степин характер, так лучше следователя и придумать было нельзя. Когда дело нужно было вести честно, Степа справлялся. Никаких особенных детективных качеств у него не было, но он вцеплялся в поставленную задачу зубами и не отпускал, пока не находил какой-нибудь подходящий ответ. Если же полковнику необходимо было спустить дело на тормозах, замять или просто закрыть – никаких возражений от Степы он не слышал.

И все же у Степы, как и у любого живого человека, было слабое место. Моргунов привык к жадным следователям, к пьющим, к карьеристам, но такого, как Степа, он встретил впервые и был его особенностью сильно обеспокоен. Степа жалел девочек. Не просто жалел, он физически не мог пройти мимо ситуации, где жертва была женского пола. Если же речь шла о маленьких девочках, которых кто-то обидел, Степа срывался с катушек, и коллегам и начальству стоило большого труда привести его обратно в чувство.

Что-то случилось в прошлом со Степаном Корнеевым, размышлял про себя Моргунов. Какой-то особенный личный опыт двигал им. Других объяснений такому его поведению просто не было. Полковник обратился в отдел кадров, посмотрел личное дело, даже позвонил в Архангельск и поговорил с коллегами и начальством Степы по предыдущему месту службы, но ответа на загадку так и не нашел. В странной системе координат, в которой существовал Степа, можно было отпустить убийцу, взять деньги у наркоторговца и закрыть глаза на воровство. Но горе насильнику, встретившему Степу на своем пути! От греха подальше Моргунов старался держать хотя бы часть дел, связанных с изнасилованиями и домашними побоями, подальше от Степы. Что, правда, удавалось ему не всегда.

Сам Степа, наверное, тоже бы не смог дать внятный ответ на этот вопрос. Окружающий мир, думал Степа, жесток. Он знал это наверняка, он сам был частью жестокости этого мира. И в мире, полном жестокости, маленьким девочкам ее достается несоразмерно много. Пусть у Степы и не было убеждений, но где-то в глубине его потрепанного сердца жило чувство справедливости. Барыги и убийцы как-нибудь сами за себя постоят, а у маленьких девочек должен быть свой Степа. Если его не будет, то они останутся с миром один на один. И вот ровно из-за этого в понедельник и начались Степины неприятности.

Он доподлинно знал, что Моргунов лично и в крайне неуставной форме распорядился не пускать Степу на место ДТП в Сити. Но распоряжение где-то потерялось, кто-то забыл об этом Степе сказать, и в результате вызов получил именно он. Степа приехал туда еще до «Ско-

рой», покуда двое сотрудников ДПС перекрывали улицу и огораживали место, где лежал труп девушки. Прибывший второй наряд ДПС подвез к месту преступления пойманного неподалеку таджика. Таджик что-то лепетал на своем языке и был смертельно напуган. Понять, что он имеет в виду, «не представлялось возможным», но зато Степины коллеги легко догадались, откуда он бежал – буквально в ста метрах за трупом девушки стояла брошенная поливалка. Приехавший на место происшествия Моргунов распорядился водителя поливалки паковать и оформлять. «Простое дело – зазевался, наехал, испугался сделанного и бросился бежать».

На этом-то история и могла закончиться, но Степе надо было обязательно влезть: за время своей службы он видел много погибших под колесами и, глядя на девушку, понимал: никакая поливалка задавить ее не могла. Впрочем, на открытый конфликт с начальником Степа тогда не решился. Во-первых, он был человеком импульсивным, но не сумасшедшим. Спорить со старшим на глазах дэпээсников не следовало, и Степа решил отложить разговор до утра. Во-вторых, к завтрашнему дню будут готовы результаты вскрытия, может быть, выяснятся еще какие-то детали. Мысль о том, что полковники вообще редко приезжают лично на место рядового ДТП, пришла в голову не сразу. А когда он задался таким вопросом, было уже поздно.

Но утром что-то пошло не так. За десять лет службы Степа никогда не видел Моргунова в подобном состоянии. Полковник кричал на него так, что слышно было этажом ниже. Он обещал выгнать Степу из органов и отправить его обратно в Архангельск. И это было самым малым из всего, что начальник сказал за закрытыми дверями кабинета. Моргунов категорически запретил Степе заниматься делом сбитой девушки. Запретил смотреть результаты вскрытия, данные с видеокamer, показания свидетелей; запретил даже приближаться к коллегам, которым было поручено вести дело. Разумеется, после этого Степа уже просто не мог удержаться.

Васька громко мяукнул, призывая хозяина обратно на кухню. Степа затушил бычок и пошел ужинать. Одной рукой он гладил кота, а другой отправлял вилкой остывшую лапшу себе в рот. Обычный пятничный вечер одинокого москвича. Степа выбросил контейнер от лапши и направился к двери.

– Скоро вернусь, не шали тут без меня. Как приду, кино посмотрим какое-нибудь.

Кот задумчиво уставился на человека и мяукнул. Подошел и потерся о ноги. На секунду Степе показалось, что Васька не хочет его отпускать, не хочет, чтобы он куда-то уходил. Странная мысль. Степа еще раз нежно потрепал зверя за ухом, запер дверь и сбежал по лестнице.

Свои пятничные обходы Степа всегда предпочитал начинать с посещения квартиры Прасковьи Михайловны. Интеллигентнейшая женщина, доктор филологических наук и профессор МГУ, Прасковья Михайловна вызывала у него симпатию и раздражение одновременно. С одной стороны, никто его так не обхаживал. Она усаживала его на кресло в гостиной, приносила ему чай и датское печенье на серебряном подносе, а перед уходом непременно предлагала рюмочку дорогого французского коньяка. А коньяк – это универсальный способ поправить даже самое хмурое настроение. С другой же стороны, ей всегда что-то было нужно от Степы, она видела в нем не человека, а ментовскую фуражку. Степу искренне бесила манера общения Прасковьи Михайловны, которая говорила так, будто на дворе 1913 год и она еще юная выпускница института благородных девиц.

Будучи еще очень молодой, буквально девочкой, Прасковья Михайловна удачно вышла замуж. Муж был старше ее на двадцать лет. С помощью хитроумной мошеннической схемы и выписанной из-под Вологды бабушки он сумел получить не один, а сразу два ордера на две квартиры и теперь комфортно жил в красивом старом доме рядом с парком. К тому же он очень любил спать с молодыми студентками, которых ему присылали на практику. Довольно скоро Прасковья Михайловна поняла, что идея двух больших квартир ей, несомненно, нравится, а вот с мужем надо что-то делать. В 1991 году она отравила его мышьяком, а тело закопала на их даче в Переделкино рядом с малиной.

Следователь безуспешно пытался успокоить рыдающую вдову, пришедшую к нему рассказать о пропавшем муже. Время было мутное, и много хороших людей пропадало, думал следователь. Мужа так и не нашли, а дела Прасковьи Михайловны пошли в гору. С наступлением в стране новой эры Прасковья Михайловна быстро сориентировалась: она выгнала семейную пару, которой долгие годы сдавала свою смежную квартиру, и прописала в ней сорок восемь граждан солнечного Таджикистана, из которых двадцать жили в квартире на постоянной основе. Визиты Степы были важны – он не только получал причитающиеся деньги, он должен был вселять в жильцов страх Божий.

Степа сидел в мягком кресле и слушал причитания Прасковьи Михайловны, жаловавшейся на всеобщее падение нравов, разгул содомии и прочие безобразия. Прасковья Михайловна переживала за Родину и никак не могла понять, почему же полиция предпринимает мало усилий для улучшения нравственного состояния общества. Степа лениво пил коньяк и кивал: непременно приложим больше усилий, вот сейчас допью и сразу же пойду прилагать. Слова хозяйки лениво текли вокруг него, как воды реки обтекают камень. Вот уже с обсуждения нравов общества в целом Прасковья Михайловна перешла к конкретной критике с воей миловидной соседки из семьдесят четвертой квартиры.

– Далеко за примерами ходить не надо! – воскликнула она, повышая голос. – Предложила ей георгиевскую ленточку в этом году повязать, так она отказалась! А еще учительница! – Прасковья Михайловна сделала паузу, ожидая от Степы каких-то слов поддержки, но тот лишь кивал, полностью погруженный в мысли. – Так вот, а на днях я ее встретила с двумя мужчинами. Молодыми такими, одетыми хорошо. Втроем к ней домой направлялись. Они шли предаваться свальному греху, помяните, Степан Викторович, мое слово!

Степа лениво перевел взгляд с опустевшей рюмки на Прасковью Михайловну. На него накатывала волна раздражения. Одно дело пустые разговоры о том, «как все плохо, в наши времена было лучше». К таким беседам Степа привык, и эмоций они уже больше никаких у него не вызывали. Но ему определенно показалось, что пожилая и неприятная профессор филологических наук хочет науськать его, Степу, на свою безобидную соседку, единственным очевидным грехом которой являлась трехкомнатная квартира по правую руку от квартиры Прасковьи Михайловны. Степа ни секунды не сомневался в том, что в недалеком прошлом, скажем, году в 1937-м, Прасковья Михайловна не преминула бы написать на соседку донос, а потом бы годами плела интриги, чтобы заполучить себе заветную жилплощадь. Настали времена, когда такая схема сработать никак не могла, что не мешало неприятной женщине истязать Степана.

Он выпрямился в кресле:

– Прасковья Михайловна, а можно еще коньячку?

Хозяйка замолчала и сердито посмотрела на Степана. Такая просьба была не просто нарушением сложившейся традиции, она была нарушением этикета, и Прасковья Михайловна этим обстоятельством была крайне недовольна. Однако виду она все же не подала, и вскоре Степа смаковал вторую стопку коньяка. Он понимал, что это его собственная вялая попытка как-то притупить те мрачные мысли, которые последние несколько дней мучили его. Ощущая на себе неприязненный взгляд, он торопливо допил коньяк и начал собираться. Прасковья Михайловна протянула ему пухлый конверт с пятитысячными и холодно пожала руку. За ним захлопнулась тяжелая стальная дверь, и он остался стоять на лестничной площадке старого дома в полном одиночестве.

Медленными шагами Степа пошел по лестнице вниз. Ему нравился этот дом, нравились гулкие лестницы и какой-то особенный запах, стоящий в подъезде. Он был уверен, что запахом дом обязан старому-старому лифту, скрипящему в шахте за допотопной железной дверью с ручкой. Когда-то Прасковья Михайловна объяснила ему, что раньше, до революции, на первом этаже дома размещались конюшни, и сейчас, спускаясь по лестнице, Степа думал: то есть если бы эти стены могли говорить, они бы заржали. Он улыбнулся собственной шутке, ускорил шаг

и вышел на темный двор. Тренькнул телефон. Степа посмотрел на экран и удовлетворенно кивнул. Хозяин борделя в соседнем доме сообщал ему, что Степин визит на сей раз не потребует, деньги ему домой принесет одна из девушек. Степе оставалось лично навестить всего одну «делянку». Он был рад, что идти в бордель сегодня не нужно. Даже в хорошем настроении это заведение нагоняло на него тоску.

Проблема Степы была не в отношении к борделям как таковым. Как одинокий мизантроп, Степа понимал и ценил труд честных работниц секс-индустрии и периодически пользовался их услугами. Недопонимание (если можно так сказать) вышло у Степы с хозяином конкретно этого заведения – коренным москвичом, тридцатипятилетним Кириллом. Первый приход к нему Степы Кирилл предложил ему отпраздновать с пятнадцатилетней украинской девочкой. «Свежачок! Пока никому не предлагал, вы первым будете», – хвастливо сказал Степе хозяин.

Другие девушки поначалу не понимали, как именно им поступить – звонить ли в полицию, учитывая всю скандальность ситуации? Вероятность того, что они смогут оттащить весьма крупного полицейского от Кирилла самостоятельно стремилась к нулю. Прибывшие Степины коллеги смогли оторвать его от еще живого тела коренного москвича и как-то убедить всех участников забыть произошедшее. Но отношения Степы и Кирилла (когда того наконец выписали из больницы после месяцев восстановительной терапии) с тех пор были крайне натянутыми.

Степе оставалось посетить лишь лабораторию узбекской преступной группировки, которую приютил администратор парка в подвале одного из служебных строений. Здание находилось буквально за углом от дома Прасковьи Михайловны и граничило с большим Лефортовским парком. Сама лаборатория находилась не в подвале, а еще глубже под землей – в одном из бомбоубежищ, выстроенных здесь во времена холодной войны. Степа под землю залезать не любил и спускался туда лишь однажды. Со старшим – узбеком Ботиром – они встречались наверху, на парковке. Всегда подтянутый и ухоженный, Ботир производил на Степу двойственное впечатление. Он относился к нему с безусловным уважением. Ботир говорил по-русски лучше, чем Степа, и два его образования – химический факультет Национального университета Узбекистана, а потом и МГУ – давали ему право смотреть сверху вниз на полицейского. Степа ценил прикладное образование, он не понимал, как именно помог диплом филолога, например, Прасковье Михайловне, но зато ясно видел пользу от дипломов для наркоторговца Ботира. С другой стороны, Ботир пугал Степу. Он догадывался, что молодой узбек пока находится лишь в самом начале своего криминального пути, и предполагал за ним серьезную дальнейшую карьеру. «Большим человеком будет», – думал Степа с уважением.

Однако сейчас мысли его были заняты другим. Шагая по темному пустому двору через арки в сторону лаборатории, Степа размышлял не про других, а про себя. Все отчетливее он понимал необходимость полной и безоговорочной капитуляции перед Моргуновым. Степа знал, что он страшно рискует, нарушая прямой приказ начальника «не соваться», но полагал, что годы верной службы все-таки дают ему право на некоторое полезное непослушание. Степа был уверен, что следствие идет категорически не в ту сторону и что он сможет помочь если не найти виновного, то хотя бы направить коллег куда надо. Второй их разговор с Моргуновым проходил также в его кабинете, но был коротким и тихим. Моргунов ровным и спокойным голосом сказал Степе, что делает ему последнее предупреждение и больше просить и приказывать не будет. Степа вышел из кабинета полковника в глубокой задумчивости.

Дело было в четверг. Всю пятницу Степа провел в тяжелых раздумьях: с одной стороны, он не мог взять и бросить дело, в которое искренне верил. Он видел «подозреваемого», которого держали в СИЗО и уже таскали в суд. Видел мать и сестру погибшей девочки. И проблема была даже не в том, что за смерть девушки сядет совершенно невиновный человек. До того таджика Степе не было ровно никакого дела. Его интересовало другое: убийца останется без-

наказанным. С этим Степа смириться не желал. Но, видимо, именно это ему и придется сделать: пойти в понедельник к Моргунову с бутылкой и повиниться. С момента ДТП прошло уже больше двух недель, и Степа, при всем желании найти виновного, был уверен – сделать это пока просто невозможно. Ввязываться же в смертельный бой с хитрым полковником за нерешаемое дело было благородно, но очень глупо. Да. Так он и поступит.

Погруженный в свои мысли, Степа не заметил, как оказался на маленькой парковке. От парка и от соседнего двора ее отделяла высокая каменная стена. Парковка была совершенно пуста. В углу стояло невысокое строение, похожее на трансформаторную будку – это был вход в большой подвал, из которого через сложную систему подземных ходов можно было попасть в заброшенное бомбоубежище. Степа знал, что Ботир человек пунктуальный и долго себя ждать не заставит.

Практически сразу же дверь в подвал открылась, и появился Ботир. В белоснежной рубашке и строгих черных брюках, он выглядел как справный клерк, а не как московский барыга. Ботир был один, но Степа понимал – за дверью остались как минимум двое его подчиненных с автоматами, готовые в любую секунду прийти хозяину на помощь.

– Степан Викторович, добрый вечер, – вежливо приветствовал его Ботир, – ваш конверт.

Степа кивнул в ответ на приветствие и взял конверт. Никаких разговоров такие встречи не предполагали, говорить им было не о чем, и Степа собирался уже уйти, когда Ботир окликнул его опять.

– Степан Викторович, вы меня извините, но я вам по делу сказать кое-что хотел, – начал Ботир. – Мы с вами друг другу чужие люди, но я ценю ваше отношение. Понимаете, я с ментами много общаюсь, и мало кто со мной так вежливо разговаривает. Наверное, кому-то это покажется мелочью, но для меня в мире нет ничего важнее уважения, – он выждал паузу и продолжил: – Не знаю, что вы там такого на этой неделе сделали, но будьте осторожны. Нехорошие люди вами заинтересовались.

Степа с изумлением смотрел на Ботира. Ничего подобного во время их встреч прежде не случалось. Предупреждение Ботира звучало для Степы дико, ну кому он может понадобиться? С другой стороны, когда наркоторговец говорит «нехорошие люди», значит, эти люди действительно страшные? Чертовщина какая-то...

– Ботир... – Степа запнулся, неожиданно поняв, что даже представления не имеет, как его партнера зовут по батюшке. Видя его замешательство, Ботир махнул рукой: можно без отчеств. Степа продолжил: – Спасибо вам, конечно, за такие слова, буду иметь в виду. Может, вы хотя бы намекнете, что за люди? О чем вообще речь?

Ботир покачал головой, пожал Степину руку и исчез за тяжелой дверью. Степа остался на парковке один, в абсолютном замешательстве. «Ерунда какая-то», – думал Степа. Эта история раздражала его, он не любил загадки. Поскорее бы уже день этот идиотский закончился. Степа закурил новую сигарету. До назначенной встречи с Махмудовым и Смирновым оставалось меньше получаса: Степа отдаст им конверты и пойдет домой, а Махмудов со Смирновым еще несколько часов будут кататься по разным округам и забирать такие же конверты у других полицейских.

Степа шел ко входу в парк. Было поздно, и ночные сторожа выгоняли из парка поздних посетителей: несколько мамочек торопливо прокатили мимо него свои коляски, прошла пара подростков, шумно обсуждающих что-то совершенно Степе неведомое, прошуршали смешные скотчтерьеры, которых на поводке вел хмурый грузный мужчина. Степа вошел в парк. Проехала пожилая женщина на электросамокате – она бесшумно вынырнула из темноты, и Степа от неожиданности шархнулся в сторону.

Даже ночью в Москве всегда шумно. Город не спит, и редко случается, что, открыв окно, вы не услышите шума моторов или чьих-нибудь пьяных разговоров. Степа любил Лефортовский парк за его особую тишину. Он прошел по главной аллее всего несколько метров, а гул

города стих совсем. Степу окутала тишина. Пустой парк тихо шуршал деревьями. И снова он поймал в воздухе ощущение чего-то волшебного, какого-то предчувствия. Даже его очерствевшая душа понимала: что-то должно случиться сегодня. Уже начали опадать листья, и Степа слышал, как в первых собранных кучах шебуршатся какие-то зверьки. Крысы, наверное, белки в этом парке почему-то не водились. Он быстрыми шагами шел через парк к большому стадиону, расположенному в другом конце, рядом с набережной Яузы.

Думать о работе больше не хотелось, и Степа попытался сосредоточиться на чем-то другом, но в голову все равно настойчиво лезли полковник Моргунов и предстоящий разговор. Степа с горечью сплюнул. Он уже дошел до уговоренного места. Парк был маленький. Когда-то Степа посчитал, что от ворот до ворот по главной аллее он проходит примерно за семь минут. «Ну вот, пришел раньше, теперь придется этих оленей тут еще ждать», – раздраженно подумал Степа и достал новую сигарету.

– Корнеев!

Степа обернулся. По траве в его сторону грузно шли Махмудов и Смирнов. В форме и с автоматами в полутьме парка они выглядели немного устрашающе. Смирнов дожевывал на ходу шаурму.

– Давно нас ждешь? – с набитым ртом поинтересовался Смирнов.

– Только подошел, – Степа протянул Смирнову конверты. – Ну, все, бывайте, мужики, меня дома кот ждет.

Смирнов усмехнулся.

– Странный ты человек, Корнеев. Нормальных людей дома семьи ждут, а тебя – кот.

Махмудов противно захихикал:

– Часики-то тикают, Корнеев, тик-так, тик-так...

Степе отчаянно хотелось домой, и он решил пропустить мимо ушей глупую шутку.

– До скорого.

Он повернулся, чтобы уйти, и увидел Махмудова. Толстоватый полицейский стоял прямо у него на пути и пристально смотрел на Степу. Уже и это было немного странно, но тут он разглядел деталь, еще сильнее его поразившую. В руках Махмудова было оружие – не его казенный автомат с потертым прикладом, а хищный пистолет-пулемет. Степе этот пистолет был знаком – «Аграм-2000», любимое в конце девяностых оружие у бандитских киллеров: не идеально – частые осечки, но дешевое и доступное, его в Москву с Балкан много привезли. Махмудов направил «Аграм» прямо на Степу.

– Ты, Корнеев, не обижайся. Я на тебя зла не держу, – хрипло сказал Махмудов и нажал на спусковой крючок.

Степа не сразу понял, что произошло. Наверное, здорово было бы сказать, что он ничего не почувствовал и смерть его была мгновенной, но это, к сожалению, было не так.

Степа почувствовал все: как первая пуля с силой ударила ему в грудь и пробила легкое, как вторая и третья (Махмудов не учел отдачу, и пистолет повело вверх) легли рядышком, разорвав горло. На грудь Степы хлынул водопад теплой артериальной крови. Он хотел что-то сказать, но вместо слов у него получилось странное то ли бульканье, то ли хрюканье. Падая на землю, Степа успел подумать: вот ведь какая глупость – последний мой ужин в жизни, а я доширак себе заварил. Даже осужденных на смерть богаче в последний путь провожают... Странная последняя мысль его погасла. Тело бесшумно рухнуло на листья.

Широко распахнутыми удивленными глазами смотрел в небо капитан Корнеев Степан Викторович, 1982 года рождения. Сверху в его глаза начал капать дождь. Волшебство закончилось, ледяным дождем в Москву пришла осень.

* * *

– Посвети мне, надо гильзы собрать, – раздался за Махмудовым спокойный и деловой голос Смирнова. Он прожевал наконец шаурму, вытер рукавом рот и опустился на колени рядом с трупом Степы.

– Нехорошо все-таки вышло, – начал Махмудов, когда Смирнов нашел последнюю гильзу и деловито засунул ее в пластиковый пакетик из-под шаурмы, в котором на дне, как обычно, осталось еще немного сока и крошек. – Неплохим человеком был.

– Да ты не думай так об этом. Ну да, нормальным был, но сказали сделать – надо, значит, сделать. Служба такая... – Смирнов поднялся с колен. – Жди меня тут, я до машины дойду.

Быстрыми шагами Смирнов пошел к боковой аллее, на которой стоял их Ford Focus. Оставшись наедине со Степой, Махмудов нервно закурил. Он дважды обошел вокруг трупа, потом схватил Степину руку и потащил его. Буквально в десяти метрах от места, где только что стоял Степа, была видна заваленная листьями крышка канализационного люка. После строительства Лефортовского тоннеля эта часть подземных коммуникаций больше не использовалась – ее увели еще глубже под землю. Именно к одному из оставшихся колодцев и тащил Махмудов тело Степы. Он достал из-за пазухи короткий лом и поддел крышку. Было похоже, что и он, и ушедший Смирнов отлично знали, что они делают. И давно все спланировали. Махмудов с трудом поднял тяжелую крышку и отбросил ее на траву. Затем подтащил Степино тело к колодцу и столкнул его вниз. Со дна колодца донесся глухой стук.

– Дебил, блять. Чурка ты тупая, как я его буду из колодца доставать? Я тебя просил его туда пихать? – вернувшийся Смирнов был в ярости. – Кислотой, мы ведь кислотой ему лицо залить должны были!

Только сейчас Махмудов вспомнил про эту часть плана. Не просто бросить в канализационный колодец, а предварительно изуродовать до неузнаваемости Степино лицо кислотой. В руках у Смирнова была закрытая пластиковая бутылка, которой он остервенело размахивал перед лицом Махмудова.

– Да забыл я, забыл, – начал оправдываться Махмудов. И сразу же перешел в контратаку: – Думаешь, легко близкого человека застрелить? Я его пять лет знаю, мы с ним знаешь сколько всего вместе повидали! Нервничаю я, вот и забыл.

Смирнов махнул рукой. Он подошел к колодцу и осветил вниз фонариком.

– Давай вот что попробуем: я тебе посвечу, а ты лей. Старайся, чтобы на лицо побольше попало.

Дождь усиливался, и ни одному из полицейских не хотелось находиться в парке дольше, чем было необходимо. Махмудов неловко выплеснул содержимое пластиковой бутылки в колодец. Сверху было совсем непонятно – попало ли что-то на лицо Степы или нет, но проверять уже было поздно. Смирнов торопливо подтащил тяжелую крышку, и они вдвоем закрыли колодец. Степа остался в полной темноте. Торопливыми шагами полицейские пошли к своей машине, и скоро в парке снова воцарилась тишина, прерываемая лишь стуком дождя о листья.

Глава 2. Москва. Сентябрь 1812 года

Федор Васильевич Ростопчин раздраженно закрыл створки больших окон своего кабинета. Шум города, всегда успокаивавший в минуты тревоги, сегодня лишь усиливал его ярость. За окном ругались солдаты, кричали полицейские, ржали военные лошади, ошалевшие от суеты города. Москвичи бежали из города, смешиваясь с отступавшими через Москву воинскими частями. Федор Васильевич поднял глаза в сторону Кремля – последние лучи солнца золотили кремлевские купола, но и это не радовало московского градоначальника. Он уже отчетливо чувствовал запах гари и видел на горизонте клубы едкого черного дыма – у Симона монастыря по его приказу с утра жгли и топили барки с провиантом. Ростопчин с грохотом захлопнул окна, быстрыми шагами вернулся за письменный стол и попытался сосредоточиться.

Как и всегда в сложные жизненные минуты, граф садился писать свои знаменитые «афишки» – листовки, сообщавшие москвичам не столько новости, сколько эмоции, которые им требовалось, по мнению Ростопчина, испытывать по поводу происходящих событий. По мере приближения Наполеона к Москве необходимость в афишках росла, и Ростопчин, бывало, записывал по несколько штук в день, с удовлетворением замечая, как складно выходят у него его пылкие воззвания и как ловко научился он говорить с простыми москвичами на понятном им языке. Но сегодня и написание афишки не клеилось. Вот уже минут сорок градоначальник сидел перед пустым листком бумаги, на котором было написано всего лишь одно предложение: «Француза сподручнее всего колоть вилами». Это было хорошее предложение. Емкое и решительное. Федор Васильевич перечитал написанное вслух. Да, начало положено отличное, но чем его продолжить? И вновь мысли Ростопчина обратились к главной теме сегодняшнего дня. К немыслимому оскорблению, нанесенному ему главнокомандующим российской армией Кутузовым.

Федор Васильевич в раздражении бросил перо на стол и откинулся в кресле. В его душе вновь поднялось смятение, улегшаяся было ярость вновь целиком захватила его. Какое унижение! Так оскорбить его! Его, дворянина! Патриота! Генерал-губернатора Москвы, наконец! Он снова встал и начал ходить по кабинету взад и вперед. Успокоиться не получалось. На протяжении недель генерал-губернатор готовился к появлению французской армии под Москвой. Битва за город была неизбежна, так считали все! Это событие должно было стать звездным часом Федора Васильевича! Вместе с Кутузовым он во главе московского ополчения планировал дать французскому императору решительный бой. Конечно, вполне возможно, что бой был бы проигран, но имя Ростопчина было бы вписано в историю России.

Он тщательно готовил город к предстоящему сражению. Все здания московские были заклеены его воззваниями. И в свете, и среди простых горожан бесконечно повторялись и передавались решительные призывы Федора Васильевича «отстоять святую Москву». Венцом всех трудов градоначальника стало общее собрание ополченцев, назначенное на 31 августа. Афишкой, призывающей москвичей на Поклонную гору, Федор Васильевич особенно гордился: «Я буду с вами, и вместе истребим злодея. Слава в вышних, кто не отстанет! Вечная память, кто жертвой ляжет! Горе на страшном суде, кто отговариваться станет!»

И вот именно этим злосчастным утром 31 августа явился к Федору Васильевичу его ближайший друг и соратник – Адам Фомич Брокер, полицмейстер Москвы. Адам Фомич долго мялся, не решаясь произнести вслух новость, с которой он пришел к своему старому другу. Генерал Кутузов изволил передать генерал-губернатору, что битва отменяется: русская армия пройдет сквозь Москву и отдаст город неприятелю.

Ростопчин с горечью вспоминал: он был потрясен и раздавлен. Мало того что фельдмаршал решил без боя сдать противнику столицу, он выставил самого Ростопчина полным идио-

том! Зная планы главнокомандующего, Ростопчин более не мог ехать на сбор народного ополчения. Что он скажет им? Идите домой и ждите Наполеона? Целый день тысячи москвичей ждали своего предводителя на Поклонной горе, но он так и не явился. Вечером же разъяренная толпа сама пришла к губернаторскому дому на Лубянке. О том, что случилось после, Ростопчин предпочитал не вспоминать. За одним унижением последовало и второе: фельдмаршал не позвал Ростопчина на военный совет, на котором решалось будущее вверенного ему города.

В который раз Федор Васильевич попытался понять, чем же он мог прогневить Кутузова? Чем он заслужил такое с собой оскорбительное обращение? Но ответа не находилось. Дружеское и теплое отношение полководца, хорошо видное в переписке, несколько недель назад резко изменилось и стало холодным, даже покровительственным. Федор Васильевич сначала не придавал этому особого значения, в конце концов мысли главнокомандующего наверняка тогда были заняты более важными вещами, нежели заботой о чувствах.

Но последние события вынудили генерал-губернатора наконец признать очевидное: Кутузов почему-то стал считать его не союзником и товарищем, а врагом и помехой в деле. Будучи человеком опытным и умудренным придворной жизнью, Федор Васильевич понимал, что впал в опалу. Непонятная ему ссора с фельдмаршалом была неприятным, но далеко не самым унижительным событием его жизни. Он еще слишком живо помнил унижения, снесенные им от императрицы Екатерины, называвшей его «сумасшедшим Федькой», и куда более серьезные наказания, которые, за близость к его убитому отцу, придумал для него молодой император Александр. Федор Васильевич облокотился о стол и подумал, что надо бы послать за вином. Эта мысль несколько согрела его, и он открыл было рот, чтобы кликнуть секретаря, но тут в дверь постучали.

Федор Васильевич быстро сел обратно за стол, придал лицу своему должное строгое и сосредоточенное выражение и громко сказал: «Войдите». В открывшуюся дверь кабинета вошел средних лет коренастый мужчина в форме, и лицо Федора Васильевича сразу разгладилось: какие бы новости ни принес ему Адам Фомич, он всегда был рад его видеть. Адам Фомич сдержанно улыбнулся своему товарищу, и сердце Федора Васильевича упало. Вслед за полицмейстером в кабинет вошел доктор Иоганн Шмидт, долговязый мужчина лет сорока, с соломенными волосами и прозрачными рыбьими глазами. Он был одет в модный костюм и пальто с высоким воротом, а в руках крепко сжимал черный цилиндр. Лицо Федора Васильевича исказила гримаса ненависти, и он не сразу опомнился и заставил себя вымученно улыбнуться нежданному гостю.

Федор Васильевич был бы готов поклясться, что Шмидт заметил отразившуюся на лице его ненависть, и она обрадовала его. Он улыбнулся губернатору еще шире, оскалив ряд белоснежных ровных зубов.

– Ваше высокопревосходительство, добрый вечер. Простите, что без приглашения, не хотел отвлекать вас от многочисленных забот, которыми, я уверен, и без меня полон ваш день. Достопочтенный Адам Фомич разрешил мне сопроводить его после окончания нашего совета, чтобы я мог лично засвидетельствовать вам свое почтение и заодно сообщить вам волю господина фельдмаршала.

Федор Васильевич злобно посмотрел на Шмидта и коротко кивнул. Среди множества черт, которые невероятно раздражали его в пристававшем немце, особенно бесило генерал-губернатора вот это «плетение словес». За излишней, вычурной и практически холопской вежливостью Федор Васильевич угадывал злобную издевку и презрение. И был, разумеется, совершенно прав. Федор Васильевич в людях вообще ошибался редко. Впрочем, в эту игру могут играть двое, подумал градоначальник. Лицо его приняло вид предельно добродушный, и он с деланой вежливостью ответил Шмидту:

– Всегда счастье видеть вас, доктор. Расскажите же, что было решено на совете? Я, как вы понимаете, не мог сегодня присутствовать лично – дела эвакуации казенных учреждений заняли все мое время.

Уже произнеся такие слова, генерал-губернатор пожалел об этой глупой и очевидной отговорке. Лицо Шмидта расплылось в улыбке еще шире – он прекрасно знал, что Ростопчина не звали, и тот факт, что он оправдывался, чрезвычайно его забавлял. Федор Васильевич раздраженно зашелестел бумагами, разложенными на письменном столе. Вот черт же его дернул сказать такое! Он старался не встречаться глазами с Брокером, опасаясь прочесть в них осуждение: «Эх, Федор Васильевич, еще перед немцем так унижаться». Не дожидаясь приглашения, Шмидт присел за стоявшее перед столом кресло, сложил руки на коленях и, глядя в глаза генерал-губернатору, начал говорить.

– Его превосходительство главнокомандующий русской армией фельдмаршал Кутузов сегодня собрал нас у себя, чтобы обсудить защиту Москвы и дальнейшие наши действия по обороне империи от Наполеона.

Шмидт сделал паузу и пристально посмотрел на Ростопчина.

– Москву велено сжечь.

Лицо Федора Васильевича вытянулось, он открыл было рот, но не знал, как именно ответить, поэтому стал похож на выловленного из речки карася. Тем временем Шмидт продолжал.

– Вам, Федор Васильевич, предписано срочно завершить эвакуацию казенных учреждений, перевести всех заключенных Бутырского замка и уничтожить стратегические запасы снаряжения и продовольствия, чтобы они не достались противнику. На этом ваша работа будет завершена.

– Как... сжечь?

Шмидт смотрел генерал-губернатору прямо в глаза, и Федор Васильевич в очередной раз подивился звенящему холоду его взгляда. В нем не было ничего человеческого. Когда-то в юности, во время турецкой кампании, в палатку Ростопчина заползла гюрза. Нemiгающий взгляд доктора Шмидта напомнил Федору Васильевичу холодный взгляд той змеи, и он с сожалением подумал, что гюрзу хотя бы можно было пришибить тяжелой палкой, а вот проклятого немца придется слушать.

– Нельзя, чтобы Наполеон захватил столицу и получил возможность переждать здесь зимние морозы в тепле и сытости. Мы лишим наступающую армию крова и провианта, а французского узурпатора – удовольствия считать себя покорителем Москвы. Все заботы о предании города огню его высокопревосходительство возложило на меня.

Не желая, чтобы ярость, переполнявшая его, была заметна немцу, Федор Васильевич крепко сжал перо, которое держал в руке на протяжении всего разговора. Он хотел переломить его, дав волю бушевавшим внутри чувствам, но перо было гибким и ломаться отказывалось, так что Ростопчин выглядел сейчас не грозным, а комичным. Окончательно обозлившись, он собрался возразить и отдать приказ дорогому своему Адаму Фомичу вытащить отсюда омерзительного немца. Вытащить во двор и застрелить его там же, где вчера зарубили насмерть сына купца Верещагина. Но Федор Васильевич вовремя опомнился. Он отложил в сторону сломанное перо и встал, протягивая руку доктору Шмидту. Удивленный Шмидт суетливо начал стягивать перчатки. Он, кажется, не ожидал, что известный своей вспыльчивостью Ростопчин примет оскорбительное известие так легко.

– Доктор Шмидт, благодарю вас за то, что потрудились сообщить мне о решении фельдмаршала лично. Не смею более задерживать вас, и да поможет вам Господь в вашем нелегком деле.

Шмидт посмотрел на генерал-губернатора с легким недоумением и, как показалось Ростопчину, разочарованием. Казалось, он надеялся, что Ростопчин устроит сцену, что он

будет кричать и спорить, станет походить на ребенка, которого строгий взрослый лишил обещанного ярмарочного представления. Коротко поклонившись, немец поднялся с кресла и быстрыми шагами вышел.

Еще минуту в кабинете стояла напряженная тишина. Адам Фомич ждал, что скажет его друг и начальник, а Федор Васильевич смотрел пустым взглядом в окно, где сумерки накрывали обреченный город.

– Вот так бывает, думаешь, что суждено тебе войти в историю как спасителю Москвы, а получается совсем иначе. Запомнят меня как губернатора, который Москву сжег. Буду русским Геростратом!

Федор Васильевич выдержал паузу, чтобы заново прочувствовать все сказанное. Брокер, стоявший все время практически неподвижно, подошел к столу.

– Вы, батюшка, только слово скажите, мои ребята с этим немцем быстро справятся. Уверю вас, не с такими справлялись. Вы только разрешите.

Ростопчин лишь покачал головой. Он понимал, что в суматохе эвакуации с доктором Шмидтом и вправду могло бы произойти что-то крайне неприятное и неожиданное, но шестое чувство подсказывало генерал-губернатору: случись что, и Кутузов лично спросит с него. Он махнул рукой.

– Иди, Адам Фомич, у тебя дел на сегодня много, а времени у нас осталось совсем мало.

Когда за начальником полиции закрылась дверь, Ростопчин достал из стола новое перо, заточил его и принялся писать воззвание дальше. Это будет его последняя «афишка», и он должен сделать ее своей лучшей. Перечитав первое предложение, Федор Васильевич продолжал: «А коли нет возможности вступить с французом в открытый бой, то надобно его сжечь вместе с городом».

* * *

«Не бежать. Главное, не бежать. Не привлекать лишнего внимания», – твердил себе доктор Иоганн Шмидт, спускаясь по парадной лестнице особняка генерал-губернатора Москвы. Он ликовал. На первом этаже он пробился сквозь толпу слуг, просителей и просто любопытных, собравшихся в прихожей большого дома, и вышел во двор. Дворник посыпал песком место, где вчера ночью толпа растерзала сына купца Верещагина. Утром Шмидт видел, как полицейские куда-то тащили тело несчастного юноши, вероятно, для последующего погребения.

В отличие от остальных москвичей Шмидт был абсолютно уверен, что молодой Верещагин, конечно, не был наполеоновским шпионом, и единственной его провинностью была невоздержанность. Ростопчин отдал мальчика толпе, чтобы хоть как-то умирить гнев обманутых им людей. «Странно, – думал Шмидт, – если мой план удастся, а он непременно удастся, этой ночью страшной смертью погибнут тысячи людей. Быть может, десятки тысяч, что не мешает мне испытывать глубокое презрение к человеку, погубившему невинного». Отметив про себя такую странную особенность человеческого ума, доктор быстро зашагал прочь со двора. Шмидт знал, что последние часы перед любым важным начинанием самые опасные. Когда все идет точно по плану, человек успокаивается, и именно тогда происходят самые непредвиденные события. Ему нечего было опасаться. Он представлял себе всю глубину ненависти Ростопчина, но сомневался, что тот разрешит причинить ему хотя бы малейшее неудобство. А если Брокер все-таки подойдет к нему своих молодчиков, у Шмидта в кармане лежит кистень, а за поясом – пара пистолетов. Зная московских ленивых полицейских, он резонно полагал, что справится с любым из них.

Кузнецкий мост был запружен народом. Конные и пешие солдаты торопились скорее выйти из города. Уже на входе в Москву армия потеряла всякое подобие порядка, и через город

шли кто как: без командиров, не держа строй, отвлекаясь на мелкое мародерство и пьянство. Днем Шмидт со своим верным слугой Семеном – немым мальчиком, которого он когда-то выиграл в карты у бедного шляхтича, – поднимался над городом на воздушном шаре и видел, как входят в Москву части арьергарда генерала Милорадовича, как они просачиваются через улицы и площади и выходят в беспорядке по ту сторону: на Рязанскую и Владимирскую дороги. Самое опасное сейчас будет столкнуться с какими-нибудь пьяными разгоряченными уланами.

Шмидт прибавил шагу. Впереди полицейские Брокера вытаскивали из питейных заведений бочки с вином и разбивали, разливали их прямо на улице. То там, то тут возникали стихийные драки. Шмидт шел вперед, не останавливаясь и только изредка оглядываясь по сторонам. Уверенность уверенностью, но в опасных ситуациях люди порой ведут себя неразумно.

От особняка генерал-губернатора до его маленького домика во Вражском переулке ходьбы было не более двадцати минут. На город уже спустились плотные сумерки, по пустующим улицам гулял холодный ветер. Вместе с французской армией в Москву вступала ночь.

Шмидт поднял воротник пальто. Только перейти Петровку, и дальше осталось совсем немного. Если генерал-губернатора Ростопчина занимал вопрос, как именно имя его войдет в российскую историю, то доктора Иоганна Шмидта, урожденного Джеймса Смита, волновал вопрос прямо противоположный: как бы все сделать так, чтобы никто и никогда больше не услышал его имени. Сын портовой шлюхи и безымянного пьяного моряка через несколько часов станет самым богатым человеком Европы, обманувшим двух императоров. Шмидт больше не мог сдерживаться, он остановился посередине улицы и громко захохотал. Сидевшие на проезжающей мимо телеге бабки начали мелко креститься. Да, вид у него был и правда немного демонический. Шмидт отдышался. Надо сосредоточиться.

Тридцать пять лет назад его, новорожденного, подбросили на порог церкви святого Эйдена в Эдинбурге. Шмидт плохо помнил свое детство, но, как ему казалось, оно было далеко не самым худшим. Он не попал в работный дом и не умер с голоду. Да, священник иногда бил его поленом, но по сравнению с жизнью других эдинбургских мальчишек ему было грех жаловаться. Он сбежал из дома в пятнадцать лет. Доплыл до Америки и вернулся обратно. Учился мореплаванию в Лиссабоне и химии в Мадриде, поступил в Воробьевский флот, но карьера моряка у него не удалась, и молодой Шмидт сбежал.

Странствуя по Европе и меняя имена, он занимался мелким жульничеством, пока судьба не привела его в Санкт-Петербург. Именно в России Смит, ныне известный как доктор Иоганн Шмидт, сумел явить себя в полную силу. За несколько лет он сколотил изрядное состояние. У него было три жены в трех отдаленных от Санкт-Петербурга губерниях и, кажется, примерно семь детей. В этой цифре он был не до конца уверен. В 1810 году на доктора Шмидта и его невероятную удачу в карточной игре обратил внимание полицмейстер Санкт-Петербурга, и Шмидту пришлось срочно переехать в Москву.

Вынужденный переезд рассердил и расстроил Шмидта, он был вынужден вновь задуматься о своей жизни и пришел к неутешительному выводу, что так и не добился пока в ней ничего значимого. Он все еще был человеком без рода без племени, зарабатывающим на жизнь шулерством. Да, деньги у него были, причем серьезные, но ему было мало. Ему хотелось достичь того блаженного состояния, известного любому рожденному в богатстве, когда деньги для тебя перестают существовать вовсе. Когда их столько, что ты можешь не думать о них, ведь под луной больше нет ничего, чего бы ты не мог купить. И тогда Шмидту пришла в голову гениальная мысль.

Читая о войнах, которые затеял в Европе Наполеон, Шмидт подумал, что русский император ведь тоже не дурак? Он ведь понимает, что время сейчас беспокойное и надо задуматься о завтрашнем дне, например о модернизации и перевооружении? Шмидту эта мысль казалась очевидной: сейчас самое время вспомнить свои таланты.

Когда-то много лет назад, будучи еще любознательным студентом, Шмидт задался целью восстановить рецепт знаменитого «греческого огня» – легендарной жидкости, которая, как прочитал он в «Хронографии» Феофана Исповедника, когда-то помогла византийскому императору уничтожить арабский флот, осадивший Константинополь. Юный Шмидт потратил месяцы, чтобы перерыть все источники, которые нашел в библиотеке своего университета, чтобы выяснить рецепт жидкого огня. И его усилия увенчались успехом: рецепта он не нашел, но, основываясь на почерпнутых упоминаниях и десятке экспериментов, в результате одного из которых он чуть было не спалил дом, сумел восстановить рабочую формулу. Негашеная известь, сырая нефть, фосфид калия и сера. Его «греческий огонь» мог поджечь все что угодно, и его практически невозможно было потушить с помощью воды.

Шмидт очень гордился этим достижением. Ему казалось, что его «греческий огонь» существенно расширит возможности артиллерии, и он напросился на доклад к Александру Ивановичу Кутайсову – видному знатоку современного артиллерийского дела. Шмидт шел на встречу окрыленный – его предложение произведет революцию в военных действиях, противников можно будет уничтожать сразу тысячами! Возможно, даже десятками тысяч! Но Кутайсов не только не восхитился его предложением, он страшно накричал на Шмидта и пинком выгнал его за дверь с обещанием донести императору о его постыдном и неприличном предложении. «Христианин, даже военный, не может позволить себе даже думать о столь массовом убийстве себе подобных, в ваших словах я вижу богохульство, вы бесчестный убийца!» – кричал ему вслед Кутайсов.

Шмидт был потрясен до глубины души. Он затаился и вернулся к картам. И именно в этот момент судьба и свела его с заядлым картежником полковником Воскресенским. Полковник играл страстно и проигрывал практически всегда. К величайшему удивлению Шмидта, ему даже не приходилось особенно мухлевать, полковник играл чудовищно, но это его ничуть не расстраивало и ни на секунду не останавливало. Долгими вечерами в клубе Шмидт за игрой и шампанским рассказывал Воскресенскому о своих небывалых и по большей части выдуманных приключениях в Америке, о своих странствиях по Европе и о чудесах, которые ему удалось лично увидеть. Воскресенский впитывал выдумки иностранца как губка. Ему льстило, что такой выдающийся человек тратит на него свое время, но в то же время и ему самому хотелось ну хоть чем-нибудь похвастаться. Хоть как-то показать доктору, что и он повидал всякого.

После начала кампании полковник исчез – Шмидт знал, что он был отправлен на фронт. Воскресенский в карточных делах был болваном, но он был умелым и храбрым воином, который никогда бы не стал отсиживаться в тылу. Правда, ни храбрость, ни умения полковнику в этой войне не помогли – он был ранен. К огромному облегчению Шмидта, под Бородино героически погиб Кутайсов. Ранение же Воскресенского было неприятно, но не смертельно, и, вернувшись в Москву после Бородинского сражения, он пригласил Шмидта на партию в клуб.

Состоялась историческая игра. Казалось, война пробудила в Воскресенском давно забытый карточный талант.

Или просто судьба решила компенсировать ранение удачей в картах. Как бы то ни было, Шмидт в тот вечер крупно проигрался. Но судьба не отвернулась от него. На радостях Воскресенский страшно напился, и когда Шмидт помогал пьяному полковнику сесть в экипаж, то он рассказал ему самую важную историю своей жизни. «Присутствуя на военном совещании после Бородинского сражения, – заплетавшимся языком начал полковник, – я своими ушами слышал, как фельдмаршал Кутузов заявил: ежели войска Наполеона подойдут к Москве, мы лучше сожжем Москву, но не отдадим ее французам».

Наутро полковник лично явился в дом Шмидта во Вражском переулке и заклинал его сохранить в тайне рассказанное. Шмидт торжественно поклялся никому не говорить о планах главнокомандующего. И это была клятва, которую он впервые в жизни точно не собирался нарушать.

Когда Шмидт вышел на Тверскую, город уже полностью погрузился во тьму. Он увидел главную улицу города совершенно пустынной, остановился и посмотрел по сторонам. Все дома стояли темными, на улице не было видно ни души. Неожиданно боковым зрением Шмидт уловил какое-то движение. Как будто от одного из домов отделилась тень. Он прислушался. Тишина. Наверное, кошка. Медлить было нельзя. Шмидт быстрым шагом перешел улицу и свернул в свой переулок. Здесь, рядом с церковью Воскресения, он снимал второй мансардный этаж в небольшом скромном домике офицерской вдовы. Вдова с многочисленными слугами была еще несколько дней назад отправлена из города к тетке, и Шмидт был в доме один.

Он отпер дверь и прошел к лестнице, ведущей наверх. Комнаты офицерской вдовы были завалены брошенными вещами и впопыхах опрокинутой мебелью. В комнатах Шмидта, напротив, царил идеальный порядок. На кровати стоял собранный саквояж и лежал теплый дорожный плащ. Шмидт на минуту остановился у стола, чтобы налить себе виски. Пожалуй, любовь к этому благородному напитку была тем единственным, что до сих пор связывало доктора с исторической родиной.

Шмидт оглядел свою комнату. В углу стояла большая фляга с особой горючей жидкостью.

Допив виски, он откупорил флягу и спустился с ней на первый этаж, методично разливая содержимое по пути. Затем вернулся и отпер дверь на чердак. Здесь, в мансарде, на стене висела немыслимых размеров подробная карта Москвы, на которой были отмечены места, где Шмидт и его помощники заложили заряды и расположили ракеты с «греческим огнем» его собственного приготовления.

Рядом на столе лежали бумаги с вычислениями и стоял большой напольный барометр. Шмидт с удовлетворением заметил, что давление упало – на Москву шла буря. Созданные им запасы «греческого огня» не пропадут. С их помощью наконец он осуществит свою главную мечту! Еще пара часов – и его снаряды сработают, ракеты взлетят в воздух, а штормовой ветер распространит огонь по всему городу. Кутузов, отдавая приказ, полагал, что доктор Шмидт сожжет лишь стратегически важные здания. Так же, по всей видимости, думал и Ростопчин. Глупцы. «Я сожгу весь город дотла, а когда дым рассеется, то я, именно я буду королем этого пепелища. Когда жители Москвы вернуться в город и захотят восстановить родные руины, им придется выкупать их у меня».

Последние несколько недель Шмидт провел в лихорадочной подготовке, плетя интриги, втираясь в доверие к важным людям города, закупая необходимые для поджога материалы. Кажется, он не спал последние пять дней. Или шесть? Лишь изредка он позволял себе дремать, чтобы совсем не потерять рассудок. Но оно того стоило. Он стал приближенным к Кутузову, он поссорил фельдмаршала с Ростопчиным, он в одиночку подготовил самую сложную военную операцию в истории XIX века. Чумной пожар в Лондоне покажется детской шалостью по сравнению с огненным смерчем, который обрушится сегодня ночью на Москву, думал Шмидт. И в этом огне сгорит почтенный доктор Иоганн Шмидт, а из пепла возродится Федор Христофорович Андреев – потомственный дворянин, скупивший половину Москвы. На расходы ушло все накопленное им состояние, но даже по самым скромным прикидкам Шмидта вероятная прибыль от его затеи превысила бы тысячи процентов. Он мог бы, конечно, подождать и скупить землю после пожара, но богатый опыт и врожденная осторожность говорили ему, что лучше не жадничать. Богач, скупающий землю пред лицом наступающей армии, привлечет существенно меньше внимания, чем циничный делец, решивший нажиться на горе москвичей.

Он справил себе новые документы и приступил к делу. Бегущие из города дворяне и купцы, простые москвичи продавали землю Федору Христофоровичу по дешевке. За полцены, за четверть. Ведь вы вряд ли сможете сюда вернуться, ведь Наполеон победит, зачем вы ему в Москве? Вас убьют французы. Нет, нет, лучше продайте вашу землю мне. Из чистого христианского сострадания я хочу снять с вас этот тяжкий груз, дать вам хотя бы немного денег, которые так пригодятся вам в новой жизни вдали от дома.

Будь полковник Воскресенский жив, он бы наверняка был бы впечатлен тем, какую невероятную пользу сумел извлечь доктор Шмидт из его секрета. Но полковник был давно мертв. Шмидт лично разделал его тело и закопал под грушевым деревом во дворе дома офицерской вдовы. Он подумал, что перед тем как покинуть дом навсегда, он зайдет к старому полковнику попрощаться.

Шмидт спустился на первый этаж, подошел к окну и от свечи поджег все занавески. Поджигать непосредственно смесь собственного приготовления было бы рискованно, а так – огонь сам найдет ее. И вот тогда ему лучше бы быть как можно дальше от дома. Он взял саквояж, накинул на плечи дорожный плащ и вышел на холодную улицу.

Уже дойдя до церкви, Шмидт услышал звук бьющегося стекла и обернулся: на первом этаже дома офицерской вдовы вылетели окна, а секунду спустя тишину улицы потряс оглушительный взрыв. Крыша домика будто бы приподнялась на пару сантиметров, давая возможность страшному огненному вихрю вырваться наружу, а затем опустилась на прежнее место, и все строение начало складываться, поглощаемое сильным огнем. Шмидт завороченно смотрел на эту картину разрушения.

На несколько мгновений в темном переулке стало светло как днем, и тогда он увидел фигуру, идущую по направлению к нему со стороны Большой Никитской. Расстояние между ними было велико, и Шмидт не мог разглядеть лица идущего человека, зато в отсветах пламени он отлично рассмотрел кирасу, развевающийся плащ и внушительных размеров палаш, который человек сжимал в правой руке. На голове его была кирасирская каска с обгоревшим плюмажем. Значит, все-таки не испугался Брокер возможных последствий, подослал к нему убийцу, подумал Шмидт. Но почему военного? Размышлять было неуместно: сейчас все мысли его были сосредоточены на одной задаче – добраться до Покровки. Там, за дворцом князя Трубецкого, в неприметном трехэтажном здании были заботливо уложены бочки с порохом и установлена целая батарея фосфорных ракет. И самое главное – во дворе там ждет его воздушный шар, на котором он планировал сбежать из Москвы. За эту часть плана отвечал Семен, которого Шмидт обучил всем тонкостям и премудростям хитроумной новой науки воздухоплавания.

Времени было в обрез. С каждой секундой ветер становился все сильнее. Кирасир шел в его сторону широкими шагами, и ветер поднимал полы его длинного плаща. Шмидт бросился бежать. Обернувшись на бегу, он увидел, что кирасир преследует его, и дистанция между ними стремительно сокращается.

Шмидт выбежал на пустынную Тверскую. Вдалеке, со стороны Страстной площади, показались двое всадников – французский разезд, отправленный на разведку. Шмидт повернул к Кремлю. Он бросил саквояж и скинул тяжелый дорожный плащ, мешавший бегу. Только бы добежать вовремя. Ракеты, установленные им на Покровке, предназначались не только для поджога города. Они послужат сигналом помощникам Шмидта в разных частях Москвы, и тогда город уже никто не спасет. Пороховые склады, жилые деревянные кварталы, дворцы, купеческие ряды – все запылает в одночасье, когда в небо над городом взлетят его ракеты. Шмидту нужно лишь успеть их запустить.

Добежав до церкви святой Параскевы на Охотном Ряду, он остановился. Легкие горели огнем, бежать больше не было сил. Он обернулся – на Тверской было пусто. Ни следа его преследователя. Шмидт повернулся в сторону разоренных торговых рядов. Все, что не смогли унести сами купцы, растащили жители и военные, и ряды представляли собой жалкое зрелище: перевернутые лавки, разломанные сундуки и лари. Теперь надо пробраться сквозь этот хаос, а затем переулками Шмидт меньше чем за час доберется куда надо.

Он было рванулся дальше, но неожиданно рука в грязной кожаной перчатке крепко схватила его за плечо, и Шмидт наконец сумел разглядеть своего преследователя. Кирасир был огромного роста, быть может, метра два. Шинель его была старой, обожженной огнем, а кираса

покрыта многочисленными царапинами. Шмидт не мог пошевелиться. Кирасир схватил его за горло и поднял над землей, другой рукой занося палаш для удара. Густые седые усы его неприятно кололи гладко выбритое лицо Шмидта. Он взглянул в глаза своего убийцы и остолбенел. Глаз у кирасира был всего один, второй был выбит пулей. Шмидт мог сказать это с уверенностью, оказавшись лицом к лицу с кирасиром, он ясно увидел застрявшую в пустой глазнице пулю. Потрясенный, Шмидт опустил глаза и впервые заметил, что выбитый глаз был не единственной смертельной раной на теле кирасира. Туловище его было насквозь пробито каким-то снарядом. Шмидт видел торчащие кости, внутренние органы, осколки снаряда, засевшие в мягких тканях. За секунду Шмидт успел оглядеть напавшего на него солдата с ног до головы и прийти к одному лишь определенному выводу: напавший на него кирасир был давно мертв. Настолько давно, что кровь заpekлась на его ранах.

Времени размышлять больше не было, и Шмидт нажал на спусковой крючок, не вынимая пистолет из кармана. Выстрел больно обжег его, но кирасир от неожиданности разжал руку, и Шмидт угрем выскользнул из его тесных объятий, нырнул под перевернутую столешницу, перескочил через поваленную лавку и бросился бежать. По грохоту за спиной он понял, что кирасир бежит за ним. В отличие от Шмидта, он не перепрыгивал через препятствия, а просто сбивал их своим немалым весом, продвигаясь вперед напролом.

Шмидт пробрался сквозь торговые ряды, выскочил к площади и буквально столкнулся с двумя французскими уланами. Французы спешили и стояли рядом с лошадьми, оглядывая окрестности. Времени на раздумья не было. Шмидт на бегу вытащил из кармана кастет и со всей силы ударил ближайшего к нему француза в челюсть. Хрустнула кость. Он с трудом удержал равновесие и, не обращая внимания на второго улана, который выхватил саблю, прыгнул в седло. Через мгновение Шмидт уже гнал уланскую лошадь во весь опор вниз по Охотному Ряду. Вслед ему неслись французские проклятья, но это было неважно: он сбежал. Оглянувшись, Шмидт увидел кирасира. Тот остановился и смотрел уезжающему Шмидту в спину, а затем шагнул в тень от фонаря и... исчез.

В одном из окон дворца князя Трубецкого горел свет. Шмидт подъехал поближе и заметил, что в парадной комнате перед аналоем стоит старик. Видимо, он один остался сейчас в огромном пустом дворце. Сквозь стекло было слышно, что он хриплым старческим голосом громко читает канон «о даровании победы». Шмидт пожал плечами. Проехав несколько метров, он повернул налево и слез с лошади. Привязывать ее было бессмысленно и жестоко – Шмидту она точно больше не понадобится, а обречь животное на гибель в пожаре ему показалось неправильным. «Ну, давай, иди обратно. Allez!» – крикнул он и хлопнул лошадь по крупу. Когда цокот копыт стих, Шмидт отворил калитку в заборе и зашел во двор.

Посреди двора над землей раскачивался новый воздушный шар, привязанный к двум тяжелым якорям. Семен в тревоге ходил вокруг шара, ожидая возвращения своего хозяина. Шмидт приветливо помахал ему рукой, и Семен немедленно залез в корзину, готовя шар к взлету.

Шмидт же торопливо направился к двухэтажному хозяйственному зданию, стоявшему в глубине двора. Первый этаж его был почти полностью заставлен бочками с порохом, соединенными длинным фитилем. Их следовало поджечь во вторую очередь. Сначала же Шмидту надо было заняться ракетами. Он ловко подтянулся и вскарабкался на крышу дома, где были выстроены в ряд сорок три ракеты на длинных деревянных палках. Они были гордостью Шмидта. Он потратил на изготовление ракет, можно сказать, столько же денег, сколько ушло на покупку земли и домов. И сейчас он смотрел на них с любовью, с какой обычно родители смотрят на детей, которым предстоит первый раз отправиться в школу. От каждой ракеты тянулся шнур, и все они были сплетены в аккуратный клубок, лежащий в центре крыши. Шмидт поднес лампу к шнуру и поджег его.

Кирасир возник за его спиной, казалось бы, просто из ниоткуда. Как будто его выплюнула ночь – он выступил из тени, которую отбрасывал на крышу высокий тополь.

Сильный удар свалил Шмидта с ног, хотя и не застал его врасплох. Шмидт резонно полагал, что кирасир, который так отчаянно и долго преследовал его, вряд ли оставит его в покое, хотя как именно он сумел найти его в огромном городе, для него было загадкой. С другой стороны, думал Шмидт, откатываясь по крыше от очередного страшного удара палашом, если это существо не умерло от пули в глаз и снаряда в тело, то, вероятно, оно обладает какими-то способностями, позволяющими ему безошибочно определять местоположение шотландских жуликов.

Кирасир наступал. Фитиль был уже зажжен, и если его молчаливый убийца хочет помешать пожару, продолжал думать про себя Шмидт, то он сейчас занимается явно не тем. Шмидт, которого удар уложил плашмя на крышу, перевернулся и встал на четвереньки. Один из своих пистолетов он уже выбросил – не было времени перезаряжать его; кастет против этого чудовища явно не поможет. У него был еще один пистолет, но в полутьме и суматохе стрелять Шмидт не решился. Он подбежал к краю крыши и с разбегу прыгнул, выставив вперед руки. Воздушный шар смягчил его падение, и Шмидт крепко уцепился за веревку, опоясывающую шар. Быстро перебирая руками, он спустился на землю и закричал Семену, чтобы тот срочно отвязывал шар от якорей.

Шмидт точно помнил, что кирасир не спускался с крыши – он несколько раз оглядывался, чтобы проверить, но крыша была пуста. Он еще раз огляделся, но во дворе, кроме них с Семеном, опять никого не было.

Он повернулся, чтобы помочь слуге с узлами.

В этот раз сомнений у Шмидта не осталось: преследовавший его кирасир был существом потусторонним. Если бы немец верил хотя бы в какого-нибудь бога, он бы перекрестился или прочитал молитву, глядя, как из дрожащей тени, которую привязанный шар отбрасывал на двор, выступает павший воин, заноса над головой меч.

Просвистел в воздухе палаш; он прошел так близко от лица Шмидта, что тот почувствовал дуновение ветра. Но кирасир не попал по нему. Шмидт едва отшатнулся, и лезвие палаша распорол горло Семену. Он беззвучно осел рядом с корзиной воздушного шара.

«Я погиб. Дело мое удастся, но я не смогу насладиться его результатами», – с грустью подумал Шмидт. Кирасир занес руку для второго удара – в этот раз не промахнется. Он шарахнулся в сторону, едва выйдя из зоны поражения. Перед своей смертью Семен успел распустить почти все веревки, удерживавшие шар на земле, кроме одной, и теперь шар висел над землей боком, готовый в любую секунду взмыть в небеса, только бы кто-нибудь отпустил или даже чуть ослабил последнюю связывающую его веревку. Шмидт отошел еще на несколько шагов назад, не сводя глаз с кирасира, который двинулся к нему, вновь заноса оружие.

В темном дворе кирасир выглядел как порождение ночи, страшный силуэт, несущий смерть любому, вставшему у него на пути. Шмидт задрожал. Со свистом одна за другой начали взлетать ракеты.

Кирасир остановился в метре от Шмидта и поднял голову. Лицо его исказилось чудовищной гримасой, и Шмидт впервые услышал его голос:

– Что же ты наделал...

Это был голос живого человека, полный страдания и отчаяния. Шмидт взгляделся в лицо кирасира – даже с расстояния было очевидно, что он смотрел в лицо покойника. Но как? Как возможно было, чтобы он двигался и говорил? Однако времени на размышления уже не было.

Секундного замешательства хватило немцу, чтобы рвануться к шару. Кирасир опомнился, сделал шаг, споткнулся о тело Семена и растянулся во весь рост на брусчатке. Шмидт подхватил выпавший из его руки палаш.

И сразу же весь двор залил ослепительный и безжалостный свет ракеты с греческим огнем. Кирасир завыл от боли страшным криком, и Шмидт, повинувшись какому-то первобытному инстинкту, подсказывающему несчастному кролику, как одолеть саблезубого тигра, замахнулся и вонзил палаш в голову своего противника.

Свет! Это порождение ночи не терпит яркого света, он делается уязвимым!

Впрочем, радоваться открытию у Шмидта не было времени. Еще чуть-чуть, и какая-нибудь из ракет разорвется прямо над ним, и он сам сгорит в своем тщательно организованном пожаре.

Шмидт разрубил веревку и едва успел зацепиться за край корзины, которую шар стремительно потащил в небо. Совсем рядом, в вышине, начали разрываться новые ракеты, и «греческий огонь» безжалостным дождем полился на спящий покинутый город. Уже мало отдавая себе отчет в своих действиях, Шмидт отчаянно подтянулся и тяжело перевалился через борт корзины.

Внизу в горящем городе он разглядел силуэт убитого им кирасира, который теперь не мог видеть, как шар уносит его противника прочь.

* * *

Шар поднимался. Тяжело дыша, Шмидт с трудом встал на ноги и перегнулся через борт корзины. С благоговейным ужасом наблюдал он за разгорающимися внизу пожарами. Греческий огонь беспощадно уничтожал все, к чему прикасался. Под взмывающим в небо шаром горели уже целые улицы и кварталы. Ветер разносил огонь повсюду, и порывы его создавали на улицах и в переулках огненные смерчи. С чудовищным треском взорвались пороховые бочки внизу, и шар страшно качнуло. Волна огня опалила брови и лицо Шмидта, и ему на секунду показалось, что пришел конец, что сейчас уголек прожжет шар, и он разобьется насмерть...

«Но шар уцелел. Я с восхищением смотрел на огненное море, в которое превратилась Москва. Гибель города означала мое возрождение. Мой план удался, и теперь, кто бы ни выиграл эту войну, я все равно победил и скоро стану самым богатым человеком в Европе. Много позже я узнал, что в огне в ту ночь погибли тридцать тысяч человек и, признаюсь, не испытал никаких сожалений. И не испытываю до сих пор. Пожалуй, мне жаль лишь старика-камердинера, которого я видел через окно дворца Трубецких, но я стараюсь не думать о нем. Иногда во сне мне является тот самый кирасир. Одинокий защитник города, пытавшийся мне помешать. Кто послал его – Бог или Дьявол? Я не знаю этого до сих пор и вряд ли узнаю когда-либо. Но, быть может, ты, мой далекий потомок, сумеешь разгадать для меня эту тайну».

* * *

Игорь Валерьевич Королев отложил книгу. Он знал ее уже наизусть. Он знал все вычисления Шмидта, он внимательно изучил все карты, приложенные к книге. Игорь Валерьевич встал из-за стола и подошел к огромному французскому окну своего кабинета. С высоты пятидесятого этажа ему открывался потрясающий вид на Москву. Он задумчиво смотрел, как осенние сумерки постепенно накрывают город.

Глава 3. Москва. 1315 год

За две недели пути Хутулун окончательно измаялась. Ей и так не очень хотелось ехать в Москву, не хотелось покидать уютный Сарай-Бату, который она излазила вдоль и поперек и в котором она знала каждый уголок; не хотелось уезжать из отцовского дворца. Вчера ей снился день ее отъезда и тот самый момент, когда золотой дворец, ярко сверкавший на солнце, исчез за горизонтом. Хутулун тихонько плакала. Она скучала по дому, но больше всего она скучала по невозможности туда вернуться.

Отец объяснил, почему он отправляет ее в Москву. Хутулун понимала, что ей поручено важное дело: она станет женой старшего сына московского князя Данила, и их будущие дети будут гарантами спокойных отношений между Ордой и Москвой. Для ее отца это было важно – пусть Москва пока малозначимое княжество, одно из многих, но отец искал спокойствия. Спокойствие и предсказуемость в отношениях с русскими княжествами дадут ему возможность заняться другими, более важными и насущными делами. Он надеялся, что Хутулун поймет его.

Сначала она надулась и закапризничала: какое мне дело до ваших войн и ваших перемирий, зачем ты отправляешь меня в холодный мир русских варваров? Хутулун слышала при дворе отца много рассказов о Руси, и ни один из них ее не вдохновлял: у них даже воды в домах не было, они, как дикие, за водой к колодцам ходили. Отдельное место в рассказах путешественников занимали разговоры о русских отхожих местах – привыкшие к канализации жители Сарай-Бату с ужасом и в подробностях рассказывали о грязи и чудовищном смраде, царящих в столице Московского княжества. Все это пугало Хутулун. Но воля отца – закон, и вот уже вторую неделю она трясется в кибитке по чудовищным дорогам. Справедливости ради, вся кибитка ее убрана мягкими подушками, чтобы монгольской принцессе было удобнее ехать, а мать в дорогу собрала все ее любимые сладости. Хутулун опять надула губки и стала смотреть в окно.

За окном вскоре показалась деревянная стена, ограждающая город. Хутулун сморщилась: после роскоши Сарай-Бату Москва показалась ей ужасной деревней. И вот тут ей велено прожить всю жизнь... Но настроение переменчиво, через секунду Хутулун думала совсем о другом: о Дмитрие, своем будущем муже. Перед отъездом мать провела с ней подробную беседу и объяснила все, что может понадобиться знать будущей жене о таком важном для брака деле, как секс и рождение детей. Рассказ матери очень взволновал юную девушку. Она видела князя Юрия Даниловича лишь мельком – на приеме во дворце отца. Русский князь был высок и бородат. Хутулун с женской половины дворца не успела рассмотреть его как следует, но точно знала – ей очень хочется узнать, какая борода на ощупь. Издалека она показалась ей очень мягкой и уютной. Может, жизнь и не будет такой плохой в этой дурацкой Москве, если рядом с ней будет муж с уютной бородой.

Кортеж царевны въехал в Москву. Ратники, охранявшие ворота, почтительно расступились перед монгольскими всадниками, ехавшими перед кибиткой Хутулун. За ней следовали кибитки свиты и повозки, груженные дарами князю от монгольского хана. Хутулун знала, что у нее приданое довольно скромное: брак важен Москве, а не Орде. И караван телег с пушиной, которые прибыли в Сарай-Бату перед ее отъездом, был значительно более внушительным, чем ее скромные несколько повозок. На предыдущей стоянке Хутулун переделалась в парадную одежду. Это был целый ритуал: шелковое платье, сложный макияж, лучшие французские украшения. Хан не посчитал нужным излишне задаривать князя, но на свою дочь он не пожалел никаких денег. Хутулун планировала встретить будущего мужа во всеоружии.

Кибитка остановилась, и за окном послышались сердитые крики. Наездники, ехавшие перед кибиткой, столкнулись с неожиданным препятствием: посреди дороги лежала перевер-

нутая телега с дровами. Хутулун выглянула из окошка, а потом встала и открыла дверь кибитки: последние минуты утомившего ее путешествия она была готова идти даже пешком, только бы все поскорее закончилось.

Она обернулась, чтобы отдать команду всадникам, и увидела, как один за другим они падают со своих лошадей. Из окон дома, напротив которого остановилась кибитка, высунулись лучники. Из-за телеги выскакивали воины в кольчугах. Хутулун в панике оглянулась и поняла, что позади нее творится то же самое: ратники, только что впустившие их в город, безучастно смотрели, как из прилегающих домов выбегают все новые и новые люди. Они убивали ее спутников одного за другим. Кто-то успевал выхватить меч, но большинство пало после первого залпа луков. Нападавшие подожгли повозки с приданым. Хутулун хотела крикнуть, хотела попросить пощады, но в этот момент меч разрезал ее горло, и она захлебнулась кровью. Лежа на земле, монгольская царица с ужасом смотрела на лицо своего убийцы – прыщавого мальчишки лет семнадцати. Он наклонился к ней, чтобы сорвать с шеи подаренное отцом ожерелье.

Все закончилось меньше чем за пять минут. Нападавшие отволокли тела с дороги и один за другим бросили их в выгребную яму, а монгольская царица так и не узнала, какая на ощупь борода ее московского князя.

Степино тело лежало на холодном бетонном полу вентиляционного колодца. За прошедшие сутки его припорошило нанесенными сквозь щель в потолке осенними листьями. Две толстые крысы грызли Степину левую ногу.

По серому бетону в сторону Степы деловито ползла желтоватая сороконожка. Она много слышала о незабываемом вкусе человеческого мозга от своих сородичей и была вне себя от свалившегося на нее счастья. Сороконожка проигнорировала копошащихся у тела крыс, заползла на штанину и направилась вверх по телу. Туда, где призывно манила ее Степина ноздря.

Со страшным криком Степа открыл глаза. Нет, это было никак не связано ни с крысами, ни с заползшей ему в нос сороконожкой. Он пока даже не понял, что не один в колодце. Степа кричал, потому что, открыв глаза, он отчетливо вспомнил, где был последние сутки. Сороконожка, уже заползшая глубже в ноздю, на секунду замерла и прислушалась. За свою короткую жизнь она никогда не слышала, чтобы люди, тем более мертвые, так кричали.

Степа кричал и кричал. Его только что очнувшийся разум рисовал ему все, что он мог пропустить, пока был без сознания: чудовищную пустоту ледяной пустыни и обжигающий холод. Холод, от которого замерзло дыхание, превращаясь в ледяной кол и вызывая разрывающий грудь кашель. Степа вспомнил все и сразу. Наконец крик его оборвался. Он сел и посмотрел вокруг. Сороконожка, повинувшись законам физики, вылетела из ноздри и бухнулась на бетонный пол.

Степа вспомнил события последних часов его жизни и начал лихорадочно себя ощупывать: нет, это ему не привиделось. Пальцы с легкостью нашли пулевые отверстия в груди и горле. Он стал трогать свое лицо: уши на месте, волосы, глаза, нос... Степа отдернул руку. Вместо легкой щетины на подбородке пальцы наткнулись лишь на кость и... зубы. Степа в ужасе вскочил, пытаясь найти в сумрачном колодце хотя бы одну отражающую поверхность.

– Это тебя кислотой полили, – сказал за спиной чей-то хриплый голос. – Они все лицо тебе спалить хотели, только промазали. С высоты несподручно кислоту лить, попасть сложно.

Степа обернулся. От дальней стены колодца в его сторону шел невысокий пожилой человек в странной военной форме. Под ногами человека хрустнула упорная сороконожка, крысы бросились во все стороны. Человек изловчился и наподдал одной из них ногой так, что крыса описала в воздухе дугу и смачно шлепнулась о стену колодца.

– Фомич. Фомичом меня кличут, – представился человек.

Когда он подошел к Степе поближе, он смог наконец разглядеть его получше. Фомич был крепко сложенным мужчиной среднего роста, про таких говорят «коренастый». Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: говорит он непременно с каким-нибудь сильным деревенским акцентом, и если бы не странная форма, то Степа легко бы мог представить себе Фомича за рулем трактора или в сарае со скотиной. Его густые усы едва тронула седина, и, на Степин опытный взгляд, было ему лет шестьдесят с небольшим. При тусклом свете он рассмотрел форму, в которую был одет Фомич. Он не сразу, но узнал ее: это была форма времен Великой Отечественной войны – уже с погонами. Степа когда-то читал книжку про войну, и в его памяти навсегда остались картинки; кажется, если бы он напрягся, даже смог бы объяснить разницу между полевыми и повседневными погонами и значение цвета канта на них.

– Ну что, мусор, очухался? – Фомич подошел к Степе вплотную. Вблизи этот странный военный совсем не выглядел дружелюбным. – Вспомнил, где был сейчас?

Степа изумленно пожал плечами. Слишком много потрясений испытал за несколько минут. Сейчас он чувствовал себя немного потерянным. Агрессивный тон собеседника неожиданно придал ему уверенности.

– Ты, мужик, о чем говоришь вообще?

– Ты мне, мусор, не тыкай. Мы с тобой не ровня. А говорю я про то, почему ты так шас орал. Я чуть не оглох.

Фомич выжидающе уставился на Степу.

– Сон мне нехороший приснился, – нашелся наконец что ответить Степа.

– Это не сон был, – Фомич вдруг стал совсем серьезным. – Это ты умер и в ад попал. Сутки там провел.

– Мне казалось, что дольше... – Степа почесал голову. Он никогда не был особенно религиозным, но примерно концепцию ада и рая себе представлял хорошо. – Но если я в аду был, то почему мы с тобой сейчас разговариваем? Оттуда ведь не возвращаются. Или это тоже ад?

– Не ад. Ад ты ни с чем не перепутаешь, – хмуро ответил Фомич, и по его ответу Степа понял, что тот почему-то знает, о чем говорит, и что он когда-то тоже бывал... там.

Фомич повернулся к Степе спиной, и он увидел старый автомат ППШ с круглым дисковым магазином-бубном, болтавшийся у него на длинном ремне через спину. Мужик как будто сошел с открытки к Девятому мая, ему не хватало только запеть низким красивым баритоном что-нибудь типа «этот день мы приближали, как могли». Степа хотел что-то сказать, но Фомич перебил его.

– Неча время терять. Идем. Ждут тебя уже.

Степа не понимал, куда идти, и не мог представить себе, кто мог бы его ждать, но сказанные уверенным голосом слова приказа возымели должное действие. За последние семнадцать лет Степа привык, что приказы надо выполнять, несмотря ни на что, и он молча пошел за Фомичом. Через несколько шагов Степа понял: то, что он принял за дальнюю стену колодца, было лишь густой тенью. Они шли по узкому коридору, и скоро бетон под ногами сменился гулкой брусчаткой. Еще пара метров и... Степа обернулся, чтобы проверить, не показалось ли ему, но нет: за его спиной ничего не было, только парк. Они вышли, словно из воздуха, и очутились на гравиевой дорожке большого ухоженного парка. Степа остановился. «Этой чертовщине должно быть какое-то объяснение, – думал он в панике. – Сначала в меня стреляли, потом я где-то был, ну или мне привиделось, что я где-то был, а теперь меня куда-то ведет ветеран Великой Отечественной, который выглядит на шестьдесят, хотя ему должно быть минимум девяносто четыре». Фомич поманил Степу за собой.

– Не останавливайся. Ждут нас. И по сторонам неча глазеть, еще насмотришься.

Степа решил отложить размышления и двинулся за Фомичом. Они прошли пару метров по дорожке парка и вышли на мощеную дорогу. Степе казалось, что он узнает это место. Вот пригорок, на котором должна стоять уродливая стела, вот тут будут трамвайные пути, а справа

должна изгибаться Яуза, опутанная мостами и эстакадами Третьего кольца. Но ничего этого не было. Да, Яуза все еще изгибалась, но пригорок был девственно чист. Там, где должен был стоять странный монумент, лишь шелестела трава. Степа испуганно оглянулся по сторонам и оторопел.

Вокруг него, возле выхода из парка, стояли в ряд дома. Тут были и бревенчатые избы, и высокие резные терема, и основательные купеческие каменные палаты, и даже изящные дворцы. Все они теснились вдоль широкой мощеной улицы. Многие из них не заканчивались крышей, но устремлялись куда-то вверх как причудливые архитектурные сталактиты. Чем выше уходили стены таких домов, тем больше они менялись. Изба превращалась в дощатый дом, затем в кирпичный особняк, чьи клетчатые стены терялись наверху в облаках. Колоннады дворцов тянулись на сотни метров, создавая ощущение... корней. Корни, вдруг подумал Степа. Не мертвые сталактиты, а живые корни... Он поднял взгляд и всмотрелся в облака.

Степа напрасно искал на «небе» солнце, пока не понял, что его просто нет. Его не закрывают тучи, это небо было полностью лишено единого источника света. Оно само по себе светилось и мерцало разными огнями, от ярко-красного до приглушенно-фиолетового. Небо опутывали километры странных нитей – электрических и голубых, сверкающих и тихо потрескивающих. Изредка по всему небу пробегали всполохи, и Степа отчетливо слышал стук железнодорожных колес.

Степа перевел взгляд на Яузу. За рекой громоздился причудливый город. Он состоял из странных домов, уходящих ввысь, но он видел невысокие здания с почерневшими верхними этажами или отдельно стоящие терема, соборы и дворцы. Иногда же между домами тянулись пустыри, над которыми высоко в небе нависали их разломанные останки: как будто кто-то лопатой или топором перерубил корень, и один съехался и умер в темноте, а второй застыл над ним мертвым напоминанием. Вдалеке, где-то в районе Лубянки, мутно светилось красное зарево, а за ним... Степа был уверен, что он едва может различить кремлевские башни, но даже если это и были они, их заслоняло монументальное здание собора. Он был так огромен, что как будто бы заполнял собой горизонт. Степа поначалу решил, что он видит тот самый нарядно-расписной собор, который стоит на Красной площади и чье название он никогда не мог запомнить. Только тот храм был маленький и цветной, будто пряничный, и лишь отдаленно походил на эту серую громаду.

Степа раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но Фомич грубо дернул его за рукав.

– Да хватит уже ворон считать, сказал же тебе – потом насмотришься. Иди! И не оставливайся больше, а то я тебя волоком потащу.

Фомич обернулся и деловито двинулся вперед через улицу в сторону луга. Степа медленно пошел за ним.

У края дороги они остановились, пропуская красивую черную карету с позолоченными вензелями. Карету неспешно тащила очевидно мертвая лошадь. У Степы в этом не было никаких сомнений, сквозь дыру в лошади он видел другую сторону улицы. На козлах сидел молодой человек в щегольской шляпе. При виде Степы и Фомича он вежливо приподнялся, обнажая часть головы, которая еще оставалась на его плечах. На опытный Степин глаз, в молодого человека кто-то стрелял из двустволки, причем из обоих стволов разом. Карета проехала, и Степа вместе с ворчливым спутником продолжили свой путь. За их спинами в противоположную сторону быстро проехал маленький автомобильчик с преобладающими колесами и скрылся за высокими домами.

Степа послушно семенил за Фомичом через небольшой луг на пригорке. Он понял, что они идут в сторону реки и перекинутого через нее элегантного каменного пешеходного мостика. Степе нравилось идти через луг, ему нравилось дышать запахом травы... И вдруг он остановился как вкопанный. Он не чувствовал никакого запаха, но это было наименьшей из проблем. Степа внезапно понял, что с момента своего недавнего пробуждения он не дышит.

Ну, то есть он делает механические вдох и выдох, но исключительно на автомате... его легкие не наполняются воздухом... Степа в панике пощупал себя за руки. Потрогал сначала правую, потом левую, потом схватился рукой за сердце – ничего.

Фомич оглянулся на согнувшегося в приступе страшного кашля Степу, и в глазах его проскользнула жалость.

– Ну вот. Я все думал, когда ты спохватишься. Не волнуйся, мусор, ты просто умер. Сдох то есть. И дышать тебе больше не требуется.

Степа упал на колени. Он смотрел на Фомича непонимающим и жалобным взглядом. Фомич опустил на корточки рядом со Степой и неожиданно ласково, почти по-отечески приобнял его за плечи.

– Так со всеми бывает, кто к нам попадает. Ты вроде бы говоришь и ходишь, но не дышишь. Мозг к этому не сразу привыкает, он пытается тебя убедить, что этого не может быть, что ты сейчас умрешь, но ты не волнуйся. Ты уже умер, и тебе нечего волноваться.

Степа закашлялся еще сильнее, и Фомич снова рассердился.

– Ты это прекращай. Мертвым кашель не требуется, это у тебя «фантомное», – Фомич сплюнул, как будто сложное заморское слово оставило у него во рту неприятный привкус. – Пройдет скоро. Знаешь, когда людям руки там отрезают или ноги... у них потом еще отрезанные конечности болят. Фантомные боли называются, мне профессор объяснял. Вот и у тебя так. Ты не дышишь, стало быть, и кашлять не можешь, но твой мозг тебя убеждает в обратном. Ты его не слушай, много он понимает. Ты умер. И как по мне, так это твое главное в жизни достижение.

Степа поднялся с земли и уставился на Фомича. Но, видимо пристыдившись своей минутной слабости, Фомич резко встал и тотчас отвернулся, но не настолько быстро, чтобы Степа не успел заметить маленькое аккуратное отверстие в основании его черепа. Степа таких отверстий по работе повидал много и отлично понимал, что именно его оставило. Фомич решительно двинулся вперед.

– С тобой уже все случилось, так что можешь больше не думать. Все. Слышал, как боговерующие на похоронах поют: «Идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание?» Вот ты как раз сейчас там. Ни боли, ни страха, ни любви, ни жалости мертвым не требуется, а ты мертвый, привыкай.

Они спускались к Язу. Фомича явно утомил произнесенный монолог, поэтому они шли дальше молча. Степа же понял, что с ним происходит что-то странное и необъяснимое. В то, что он «умер», конечно, не верил, но, поскольку других объяснений происходящему пока не находилось, решил подождать с расспросами. Рано или поздно он увидит подсказку, схватится за нее, распутает эту странную историю и найдет всему рациональное объяснение. Пока же он решил действовать привычным для себя образом: жить как пассажир автобуса, дело которого сидеть и смотреть в окно, а уж водитель как-нибудь разберется, куда именно его привезти.

Они перешли через Язу. У парапета набережной нервно прохаживалась изящная барышня в белом подвенечном платье, которое совсем не украшали шесть ножевых ранений. Увидев Фомича со Степой, барышня заметалась, а потом убежала. Фомич покачал головой.

– Говорят, уже двести лет тут мечется, все никак в себя прийти не может.

Степа проводил барышню взглядом, и они двинулись дальше в путь. Оказавшись в городе, Фомич пошел быстрее. Степа послушно следовал за ним, изредка замирая, глядя на причудливые дома или на встречавшихся им все чаще покойников. Если про себя Степа пока не понял, что к чему, то с прохожими все было довольно очевидно.

Почти на всех встреченных им людях были заметны следы насильственной смерти: пулевые и ножевые ранения, следы удушья или огня. Жители этой странной Москвы были каждый из какой-то своей эпохи: от одетых в шкуры угрюмых мужчин до красноармейцев, щеголей XIX века, панков с цветными ирокезами из девяностых и скучных старичков в чиновничьих

костюмах неопределяемой эпохи – бессмысленные мелкие бюрократы всегда выглядели более-менее одинаково. Степа вертел головой и поминутно останавливался, вызывая явное раздражение Фомича.

Зайдя за угол, они столкнулись со слоном. Слон, почему-то без бивней, величественно и неторопливо шел в сторону реки, не вызывая ни у кого, кроме Степы, никакого удивления. Он повернул к нему большую голову с морщинистыми ушами, смерил покойного полицейского грустным взглядом и пошел дальше.

– Это что? – спросил оторопевший Степа.

– Слон это! Слон! Ты слона не видел, что ли, никогда?

Фомич явно не был расположен отвечать больше ни на какие вопросы, и Степа решил не настаивать, но на всякий случай запомнил себе слона на будущее.

Они шли, проходя через площади и сворачивая в узкие переулки, и было непонятно, где же именно они идут. Причудливая архитектура каждого места лишь изредка подбрасывала Степе какие-то подсказки: вот дом, который он помнил – значит, где-то в районе Таганки. Но это один дом, а все остальные откуда?

Фомич еще раз свернул за угол и вышел на широкую улицу. Быстрыми шагами Степа догнал его. Старик стоял перед высоким теремом. Степа тоже остановился и замер. Никогда, даже в детстве на картинках из русских сказок, он не встречал ничего подобного. Резной терем нависал над ним своей громадой. Складывалось ощущение, что если поначалу зодчий еще как-то держал себя в руках и строил классический княжеский терем, то потом что-то пошло не так и он решил «гулять, так на все». На фасаде терема были видны бесчисленные «красные» окна, высокие и вытянутые, с цветистыми витражами. Каждый следующий этаж был выкрашен в новый яркий цвет и богато оформлен балкончиками и прочими излишествами. По бокам к небу возносились тонкие башни-смотрильни всех цветов радуги, украшенные со всех сторон.

На первом этаже виднелась крошечная дверка, забранная тяжелой чугунной решеткой. Очевидно, она предназначалась для каких-то хозяйственных нужд. Вход же в терем начинался длинной лестницей, ведущей на высокое крыльцо. Перед лестницей замерли двое сурового вида мужиков в красных кафтанах стрельцов. Бердышами они закрывали вход.

Фомич остановился перед стрельцами и почтительно снял форменную ушанку. Степа замер рядом.

– Вот, привел. Как приказано. К царевне привел новенького.

Стрельцы молча расступились, поднимая тяжелые бердыши. Степа вслед за Фомичом начал подниматься по лестнице к крыльцу.

Глава 4. ТЕРЕМ. Москва. 1883 год

Васька очень ждал торжеств по случаю дня коронации императора Александра III. Ему, как и большинству людей, которых он знал и с которыми общался, на императора было наплевать, но среди воров-карманников последние недели только и разговоров было о предстоящих гуляниях. Говорили, что на площади перед храмом Христа Спасителя покажут удивительное зрелище, новое изобретение – «электрические свечи», которые без огня гореть могут. Ваське было любопытно посмотреть на диковинку, но ждал он этого дня не из-за волшебных ламп. Вокруг собора соберется толпа москвичей, как Васька знал наверняка, а там, где толпа, там и добычи легкой много. Вместе со своими друзьями Васька не пропускал ни одного святочного или иного гуляния – тут и часы можно стянуть, и монетки, а если повезет, так и бумажник с кредитными билетами. Часы и другие брелочки Васька потом носил на Хитровку, а деньги делил с мамкой. После того как отец их вдвоем пару лет назад выгнал, мамка пошла в девки, получила желтый билет и теперь работала в доме терпимости у Серпуховских ворот. Там же они с Васькой и жили. Но мамкиных денег было мало, и Ваське было велено помогать. А как в таком возрасте еще сможешь?

Васька ускорил шаг. Он уже шел по набережной и хорошо видел впереди недавно освященный белоснежный храм, к которому стекались со всех сторон толпы горожан. Васька даже залюбовался храмом, так непохожим на большинство других столичных соборов. Но любоваться времени не было. Тощий и низкий для своего возраста, Васька нырнул в толпу. Он помаленьку протискивался вперед, туда, где стояли какие-то люди в костюмах и шляпах, и один из них громко говорил что-то торжественное. Толпа слушала речь, а Васька между тем обшаривал чужие карманы. Он сумел вытащить у одного молодого щеголя часы, а у какой-то мамзельки из сумочки – свернутые в трубочку кредитные билеты. Неплохо, а ведь вечер только начался. Васька поглядел по сторонам и решил двинуться через толпу в сторону моста через Москву-реку. Он почти дошел до края толпы, когда по площади прокатился восторженный вздох и все пространство вокруг залил яркий свет, подобных которому Васька в своей жизни не видывал.

И в этом ярком свете господин с багровым лицом отчетливо увидел Васькину руку в кармане своего засаленного сюртука. Огромная лапища мгновенно сомкнулась на Васькиной тонкой шее.

– Что это ты, паскудник, творишь?!

Господин волок Ваську в сторону реки, с легкостью продираясь сквозь толпу. На них никто не обращал внимания, все были полностью поглощены чудесными фонарями. Васька чувствовал, что задыхается, но господин и не думал разжимать свою лапищу. Он выволок Ваську на мост. Кажется, он и не собирался его убивать, просто хотел напугать, но вышло иначе. Васька дернулся, пытаясь из последних сил сбежать, господин инстинктивно сжал руку еще сильнее. Васькина шея не выдержала и хрустнула, и он беспомощной тряпочкой повис на руке господина с багровым лицом.

Господин от неожиданности остановился и побледнел. Одно дело поймать карманника, совсем другое – убить мальчишку. По нынешним временам его за такое никто по голове не погладит, а осудят и посадят в острог. Господин огляделся – на него все еще никто не обращал внимания. Он быстрым шагом подошел к парапету моста и швырнул тело мальчишки как котенка в темную реку. Авось не найдут. Ну а если найдут, он уже будет далеко. Течение подхватило Васькино тело. Скоро оно прибьет его в трубу, коих в реку выходило множество, где его найдут крысы. А люди не найдут.

Они взбирались, казалось, целую вечность, но наконец Фомич и Степа очутились перед цветной деревянной дверью. Фомич почтительно толкнул дверь, и вслед за ним Степа вошел в просторный зал. Десятки узких окошек с витражами пропускали сюда теплый цветной свет. У дальней стены стоял высокий резной деревянный трон.

Как только Фомич со Степой вступили в зал, гул десятка одновременно говорящих голосов моментально смолк, слышны были лишь звуки их шагов. Степа оторопело оглядывался: по обе стороны от трона стояли люди. Пока они шли к терему, он уже успел обратить внимание на необычных жителей, но не был готов увидеть столь разношерстную толпу.

Десятки или даже сотни самых необычных людей. Здесь были монгольские лучники, шведские и немецкие рыцари, щегольски одетые молодые дворяне в высоких цилиндрах, гимназические преподаватели в сюртуках, пара бояр в высоких бобровых шапках, мужчины и женщины в костюмах, кажется, всех возможных эпох, от древней Руси до настоящего времени. Степа только мотал головой в изумлении, поминутно задерживая взгляд то на одном, то на другом необычном члене здешнего общества.

Вот, опираясь на булаву, стоит дружинник в кольчуге. Рядом с ним, прислонившись к декоративной колонне, стоит немецкий рыцарь в броне. Позади них переминается с ноги на ногу нервная женщина лет сорока, одетая в модное в тридцатые годы платье, в руке у нее тоненькая сигарета в перламутровом мундштуке. Чуть поодаль теснятся несколько священников в хмурых подрясниках, стоящий рядом с ними епископ в парадном облачении выглядит как павлин в окружении воронов.

Подходя вслед за Фомичом все ближе к резному трону, Степа заметил людей, очевидно попавших сюда даже из его времени. Какие-то ребята в джинсах и свитерах, девочки с прическами из восьмидесятых в коротеньких платьях с леопардовым принтом. Солидный мужчина в малиновом пиджаке только что спорил с польским крылатым гусаром, а за ними о чем-то шушукались две молодые девушки в одинаковых старомодных костюмах горничных.

Прямо перед тронном Степу и Фомича встретил сухощавый старичок в аккуратном костюме, с аккуратной прической и аккуратным пулевым отверстием в основании черепа. Отверстие Степа успел рассмотреть, пока старичок, стоя вполоборота к пришедшим, о чем-то спорил с человеком в генеральской форме с золотыми эполетами. Белизна его бакенбард приятно оттеняла синеву лица, а на толстой генеральской шее был туго затянут алый шелковый шнурок.

Старичок прекратил спор, повернулся к ним и снял пенсне. Он улыбнулся и протянул Степе руку.

– Очень приятно, молодой человек. Позвольте представиться: я – профессор Московского университета Антон Андреевич Вознесенский. Покойный. К вашим, так сказать, услугам.

– Степа, – растерянно ответил он и тут же поправился: – Майор Корнеев, Степан Викторович.

– Так вот, Степан Викторович... позвольте я буду называть вас Степой? В конце концов, у нас немалая разница в возрасте да и в, гхм, социальном положении.

Степа даже не обиделся (или не понял) и кивнул. Фомич остался у подножия трона, и профессор Вознесенский, ни на секунду не переставая говорить, увлек Степу за собой.

– Понимаете ли, Степа, мы давно ждем вас. Весь город только о вас и говорит, но вы, конечно, пока этого не понимаете. Вы ведь важная особа. Я полагаю, Фомич мало что смог объяснить вам, он человек неразговорчивый, но мы все мигом исправим. Позвольте лишь сначала представить вас царевне.

И Степа понял, что он так увлекся разглядыванием разношерстной публики, что ни разу даже не посмотрел на трон. Он поднял глаза. С трона на него смотрела девушка восточной внешности, нет, наверное, девочка лет шестнадцати. Она обладала тем удивительным типом

красоты, когда кажется, что человек сделан из фарфора, и если в его сторону даже подышать неудачно, то он вдруг покроется трещинами и рассыплется на маленькие осколки.

Черные волосы ее были убраны в аккуратную косу, тонкие черты лица и миниатюрный носик лишь подчеркивали красоту ее по-настоящему огромных миндалевидных глаз. Голову девочки перехватывал тоненький серебряный обруч. Общую картину портила лишь длинная ровная рана на смуглой шее.

Девушка смотрела на Степу с любопытством и ожиданием.

– Здравствуй, Степа.

Звонкий голос царевны окончательно развеял у Степы все сомнения относительно ее возраста, она была еще подростком. Почему-то от этого он почувствовал себя немного легче и даже улыбнулся. Если бы Степа видел себя тогда со стороны, он вряд ли решился бы на улыбку, но зеркало ему в тот день еще не встретилось, и он улыбался, полагая, что производит на Царевну самое что ни на есть положительное впечатление. Царевна и правда улыбнулась. В конце концов, она была настоящей принцессой, а значит, ей не подобало указывать своим подданным на недостатки их внешности.

– Степа, позволь представить тебя нашей повелительнице, царевне Хутулун.

Хутулун еще раз благосклонно улыбнулась Степе и кивнула профессору. Наверное, всему виной был ее возраст, но Степе казалось, что царевна изо всех сил старается сохранить серьезный тон и не расхохотаться. Вот и сейчас она обратилась к нему подчеркнуто официально, хотя Степа был готов поклясться, что из-за ее вежливых слов рвется озорная улыбка.

– Прежде чем я скажу тебе, зачем я позвала тебя, я позволю профессору Вознесенскому ответить на вопросы, которые у тебя уже есть. Наверняка профессор захочет также рассказать вкратце о нашем мире, куда ты попал, я знаю, ему такие лекции всегда доставляют особое удовольствие.

Профессор и правда, услышав слова принцессы, приосанился, принял серьезный вид и надел пенсне. Тон его сразу стал чуть более официальным.

– Позвольте мне, дражайший Степан, для начала осведомиться: какой вопрос сейчас занимает вас больше всего?

Степа совершенно не ожидал, что разговор примет такой оборот и выпалил первую пришедшую в голову мысль: – А откуда тут слон?

Профессор Вознесенский наклонил голову и удивленно посмотрел на Степу поверх пенсне. Где-то за его спиной раздалось приглушенное хихиканье.

– Слон? Простите, Степан Викторович, я не ослышался? Вас интересует именно слон?

Сдавать назад было уже поздно, и Степа решил позориться до конца.

– Ну да. Мы его встретили по дороге. Откуда тут слон?

Вознесенский уступил. В конце концов, объяснял он себе, Степан Викторович пережил шок, странно ожидать от него вменяемого поведения...

– Слон был подарен царю Ивану IV, который, наверное, известен вам как Иван Грозный, персидским шахом. Шахом Тахмаспа, но возможно, что и Аббасом. Историки не могут установить этот факт достоверно. Слон был привезен в Москву вместе со своим братом в дар царю. С ними был прислан дрессировщик, чтобы ухаживать за животными. Выехали в Москву два слона, но доехал, к несчастью, только один.

Степа не слушал профессора. Вопрос про слона, как правильно догадался Вознесенский, был какой-то странной инстинктивной реакцией его погибшего мозга. На самом же деле Степу занимал совсем другой вопрос.

– Царю понравился слон, он играл с ним и, как пишут источники, любил резать ему лоб острым кинжалом. Но потом в Москве случилась чума, и царю донесли, что именно слон виноват в моровом поветрии и что с ним болезнь пришла в столичный город.

Профессор оглядел собравшихся, которые заскучали во время его короткой лекции.

– Первым убили арапа, ухаживавшего за слоном. – Вознесенский еще раз посмотрел на слушателей. – Мохаммед, ты ведь тут?

Откуда-то из-за спин высоких бояр вперед протиснулся смуглый юноша с приветливым лицом. Черные волосы слиплись у него от крови в том месте, где опричники царя раздробили ему череп древками бердышей.

– Тут я, тут.

Мохаммед подошел ближе к трону и обратился теперь к Степе.

– А потом они убили слона, отрезали его бивни и принесли царю. Нам было грустно умирать, мы со слоном полюбили этот город... Но царь положил мне слишком хорошее жалованье, другие слуги не хотели, чтобы какой-то «черномазый басурманин» получал больше, чем они...

Рассказ о таком понятном и таком грустном финале даже отвлек Степу от его размышлений. Удивительно, как могли меняться декорации или обстоятельства, но как неизменна оставалась человеческая природа, заставляющая людей губить чужие жизни. Даже не ради наживы, а просто из зависти. Такая система моральных координат была Степе понятна, за годы службы он встречал подобных историй десятки.

Вознесенский нетерпеливо кивнул Мохаммеду, как бы давая ему знак, что разговор окончен и пора бы ему отойти от трона. Он раздраженно повернулся к Степе.

– Ну, когда тайна слона вам объяснена, может быть, у вас есть какие-то еще вопросы?

Степе даже почудилась издевка в словах покойного профессора.

– Где я? Что это за место? – уже задав вопрос, он вдруг понял, что не очень хочет знать ответ. Точнее, хочет, но только при условии, что ответом будет вменяемое объяснение и что профессор не будет валять дурака и рассказывать, что Степа «умер»... Степа смотрел на Вознесенского с некоторой сдержанной надеждой.

Профессор Вознесенский еще раз откашлялся и повернулся к собравшимся в зале, как будто бы собираясь отвечать не лично Степе, а сразу всем. Так оно и было, в профессоре проснулись его прежние университетские привычки, и вместо простого ответа Степа приготовился выслушать обстоятельную лекцию.

– Знаете ли вы, Степа, что такое подсознание? Как учили нас профессора фон Гартман и Юнг, это часть нашего сознания, ведущая фактически самостоятельное существование. В подсознании мыслительные или рефлекторные процессы идут совершенно без участия нашего с вами сознания, – он сделал паузу, чтобы Степа мог прочувствовать важность момента, и продолжал: – Подсознание есть не только у людей, оно есть и у городов.

Слова профессора Вознесенского обволакивали Степу и убаюкивали его. Он почувствовал неожиданное спокойствие, хотя до сих пор пока ничего из его ответа не понял.

Профессор продолжал:

– С момента, когда первый человек вырыл свою примитивную землянку на берегу реки и решил, что место это ему нравится и уходить отсюда он больше не собирается, вокруг него начинает расти город. Город не как привычное нам название населенного пункта, а город как явление метафизическое. Город – это не здания, город – это люди. А люди живут вместе, и каждый день они испытывают острые эмоции: любовь, жалость, ненависть, отчаяние, счастье. Эти эмоции никуда не деваются, из них строится мир городского подсознания. Здесь живет история города, его страхи и его воспоминания. Они копятя тут веками...

Степа вспомнил странные дома, мимо которых они проходили по дороге к терему, и перебил профессора:

– А эти дома, они... это корни?

Вознесенский сначала нахмурился, недовольный тем, что его перебили, но потом снова расцвел.

– Как точно замечено! Именно так, корни. Исторические корни. Люди одушевляют дома, для них дом становится понятием, сопряженным со счастьем, с покоем или, напротив, с горем

и болью. Как бы то ни было, дома пропитываются нашими чувствами и перестают быть банальным штабелем стройматериалов. Чем дольше дом стоит в одном месте, чем дольше люди живут в нем, тем глубже его корни проникают сюда – в подсознание города, в Подмосковье. Логично предположить, что такие пространства есть под каждым городом на планете, но это лишь моя теория. Вы понимаете, Степан, в вопросах путешествий мы здесь несколько ограничены.

Профессор Вознесенский пристально посмотрел на Степу, а затем обвел взглядом всех собравшихся. По старой привычке, казалось, он ищет студентов, воспользовавшихся его лекцией, чтобы вздремнуть. Но в зале никто не спал, напротив, все довольно внимательно следили за профессором и Степой. Может быть, даже больше за Степой, по крайней мере, ему самому казалось именно так.

– Как я говорил, люди одушевляют дома, делают их живыми. И город становится живым, как становится живым улей благодаря разуму тысяч пчел, живущих в нем.

– А вы тогда кто?

Степа хотел удержаться и не перебивать, но он испугался, что если не остановить профессора, то он будет говорить бесконечно, и тогда Степа просто заснет. Вознесенский поморщился.

– Мы – все мы – забытые души. Потерянные. Вот вы, Степа, наверняка знаете о древней традиции класть умершим монеты на глаза? Древние греки верили, что этими монетами покойные расплачиваются с Хароном. С перевозчиком, который должен был перевезти их через реку Забвения из мира Живых в страну Мертвых. Древние греки были очень умны, очень! Конечно, никакого Харона не существует, но сам принцип они угадали верно. После смерти душа человеческая должна быть формально передана царству мертвых. Человечество знает об этом, это знание заложено в нашем ДНК, и именно поэтому обряды погребения существуют у всех племен мира. Погребенный мертвец передан, так сказать, вышестоящей инстанции. Из чего следует, что непогребенный покойник...

Степа уже не слушал. Он отчаялся и понял, что Вознесенский несет всю ту же ахинею, что и Фомич, просто другими, более красивыми и еще менее понятными словами. Не слушая профессора, он начал оглядываться по сторонам. Вознесенский продолжал:

– ...ждем Страшного суда. Если мертвые, которых похоронили по всем правилам, сразу узнают о своей дальнейшей судьбе и отправляются в Ад или Рай, то мы вынуждены томиться в прихожей. И нет, отвечая на ваш незадачный, но очевидный, вопрос, – это не Чистилище. Чистилище подразумевает возможность изменить, так сказать, свой статус. Попасть ценой дополнительных усилий в Рай. Мы такой возможности здесь не имеем, тут можно только ждать. И мы ждем. Всех нас кто-то убил и как-то спрятал, кого-то утопили в Москве-реке, кого-то замуровали, спрятали в канаве, закопали в парке или расчленили и скормили собакам, как вот отца Валериана.

Тут Вознесенский приветливо помахал рукой одному из священников, стоявших при входе в зал, и Степа с ужасом увидел деталь, почему-то ускользнувшую от его взгляда: один из священников держал на согнутой руке голову. Голова была обглоданная, с запекшейся кровью в длинных седых волосах. Очевидно, это и был отец Валериан, о котором говорил профессор, потому что он весело подмигнул оторопевшему Степе.

Степа помотал головой. Нет, он не будет отвлекаться. Пока профессор Вознесенский рассказывал ему про подсознание и царство мертвых, в голове у него родилась спасительная мысль.

Он понял: да, в него стреляли, но он не умер, а впал в кому.

И все безумие последних часов есть не что иное, как галлюцинация. Он в коме, и все это ему видится. Степа когда-то читал в одной бесплатной газете, что людям в коме кажется, будто они попали в лабиринт, и те, кто из него выбираются, приходят в себя. Ну а все остальные так

до конца жизни и бродят по глубинам своего подсознания. Эта мысль успокоила Степу. Раз все происходящее – лишь плод его больного подсознания и он в лабиринте, значит, надо просто найти из него выход, и все будет хорошо. А пока он подыграет своему воспаленному воображению и, может быть, усыпит его бдительность. Степа решительно повернулся к Вознесенскому.

– А вы, профессор, как здесь оказались?

Вознесенский разулыбался и чуть не замурчал от удовольствия. Степа только сейчас обратил внимание, как похож на большого важного кота этот пожилой ученый. Вознесенский ждал, чтобы Степа спросил его об обстоятельствах его безвременной кончины, и был доволен таким вопросом.

– Как хорошо, что вы спросили меня об этом, дражайший Степан. Дело в том, что после прихода советской власти в мою квартиру подселили соседей. В целях моего воспитания было решено селить ко мне исключительно благонадежные рабочие элементы. И вот в моем скромном жилище появились двое рабочих и колхозник, присланный в столицу на курсы по повышению квалификации. Что-то связанное с животноводством, впрочем, я до конца так и не понял. Четвертым моим соседом стал неожиданно тоже профессор, только бывший. Из университета его выгнали как неблагонадежного – он был поповским сыном, – тут профессор приостановился, снова снял пенсне и привычным движением вытер совершенно сухой лоб. – Мы сдружились с ним и проводили вечера в разговорах и научных дискуссиях, что в конечном итоге и сгубило меня. Товарищ от животноводства донес на меня в органы, приписав антисоветскую пропаганду. На меня! Я приветствовал революцию, я видел в ней торжество человеческого духа. Я ждал научного расцвета, когда отсутствие религиозной и государственной цензуры даст возможность таким ученым, как я...

Вознесенский осекся. Неприятные воспоминания захлестнули его. После небольшой паузы он продолжал уже более тихим голосом:

– Меня расстреляли в 1937 году на Бутовском полигоне вместе с сотнями других невинно оклеветанных людей. Когда экскаваторы начали копать рвы, мое тело, лежавшее сверху на куче, кто-то неудачно задел, и я покатился в канаву... Меня не заметили, и тело мое не перетащили в общую могилу, а завалили землей и... и вот я здесь. Неупокоенный мертвец в обществе таких же, как и я.

В зале повисла неловкая тишина. Профессор откашлялся и повернулся к Степану, которого там уже не было.

Пока все внимательно слушали профессора, Степа шаг за шагом тихонько пятился к двери и, когда взгляды всех в зале обратились на него, резко развернулся и бросился бежать. На крыльцо, бегом вниз по лестнице через три ступени... Он легко перепрыгнул сомкнутые бердыши стрельцов и исчез за поворотом.

Фомич, не говоря ни слова, вплотную подошел к профессору Вознесенскому и выжидающе посмотрел на него. Тихонько ругаясь, профессор подставил лоб и получил от старика крепкий щелбан.

– Я не понимаю, Егор Фомич, не понимаю, как тебе удалось предсказать его побег!

Фомич лишь хмыкнул и пожал плечами. Он повернулся к царевне.

– Государыня, прикажете догнать и вернуть?

Царевна посерьезнела. От веселой девушки, которая несколько минут с интересом наблюдала за происходящим с высокого трона, не осталось и следа. Она сдержанно улыбнулась Фомичу, но сквозь улыбку пробивалось беспокойство. Царевна прикусила губу и задумалась. Наконец она, кажется, приняла решение.

– Догони его, Фомич, но не возвращай. Просто пригляди за ним. Я думаю, он сам к нам вернется.

Глава 5. Москва. 1606 год

Гося с трудом втиснулась в маленький сундучок. Места тут отчаянно не хватало, но мать практически насильно запихнула девочку, крепко прижав сверху крышку. Обычно в сундучке лежало для нее постельное белье. Это был красивый резной сундучок, которым Гося очень гордилась: на нем были искусно вырезаны разные смешные звери. И вот теперь ей приходится в нем прятаться. Госе было очень страшно. Скрючившись, она старалась дышать потише, чтобы получше слышать, что происходит снаружи.

Отец и брат еще не приехали, и Гося в ночи разбудила мать. Точнее, Гося проснулась сама от оглушительного звона колоколов. Мать в ночной рубахе вбежала в Госину комнату и велела ей немедленно одеваться. Гося выглянула в окно и увидела, что вся Никольская, где стоял их дом, забита людьми. Мужики с саблями, топорами, вилами и факелами бежали в сторону Кремля. Громко и страшно били колокола. Кто-то кричал: «Бей ляхов!», «Секи ляхов!» Мать силой оттащила ее от окна. Она металась, не понимая, что им делать и куда бежать. Выходить на улицу, в толпу? Об этом нельзя было даже и думать. Слуги как будто растворились, оставив нараспашку все двери. В конце концов мать сказала, что они спрячутся. Надо переждать до утра, а утром они попробуют сбежать из Москвы. Может, им удастся найти экипаж, мать заплатит любые деньги, чтобы их отвезли обратно в их имение под Варшавой.

Гося дрожала. На улице все еще кричали люди и страшно били колокола.

Этой теплой майской ночью москвичи спешили в Кремль убивать царя. Точнее, по большей части они думали, что идут царя, наоборот, защитить от проклятых литовцев, которые его сгубить решили. Но у боярина Шуйского, который руководил мятежом, были совсем другие планы, и уже через несколько часов тело царя Дмитрия, которого заговорщики называли самозванцем Лжедмитрием, потащат волоком по Красной площади в сторону Вознесенского монастыря. А еще чуть позже толпа будет глумиться над его трупом, и один из бояр воткнет в рот мертвому Лжедмитрию дудку со словами: «Долго мы тешили тебя, обманщик, теперь ты нас позабавь!» Всего этого маленькая Гося не знала и знать не могла. Она никогда прежде не думала ни о боярах, ни о москвичах, ни тем более о царе. Ее уютный мир состоял из мамы и кукол, которых заказал для нее в далекой Франции папенька. Из уроков пения и чтения, из прогулок с маменькой по саду и няниных плюшек.

В доме загрохотали сапоги. Гося слышала, что они приближаются, и молилась, чтобы маменька успела спрятаться. Но по страшным крикам она поняла, что маменьку схватили. Гося не понимала и не знала, за что именно их хотят убить, что они с маменькой сделали этим страшным людям. Она хотела вылезти из своего сундучка и объяснить им все, рассказать, что они хорошие и не нужно их обижать. Но что-то остановило ее. Маменька очень строго наказала не вылезать, пока она сама не откроет крышку сундука. И Гося послушно сидела и слушала, как под звон колоколов толпа грабит их дом, насилует и убивает ее маму, графиню Марысю Страхальску. Она вылезла только тогда, когда дым подожженного дома заполнил сундучок и находиться в нем стало совершенно невыносимо. Гося выбежала из горячей комнаты – тело матери заволкло дымом, так что хотя бы от этого впечатления судьба избавила ее.

В ночной рубашке девятилетняя Гося Страхальска выскочила на залитую кровью Никольскую. Рядом полыхали дома, на улице лежали тела, и Гося узнала многих знакомых и соседей-поляков, тоже приехавших в Москву на торжества по случаю царской свадьбы. Не разбирая дороги, Гося побежала. Все так же страшно звонили колокола, и толпа кричала: «Режь ляхов!» Гося бежала. Ее заметили, и по звуку погони и окрикам она поняла, что за ней вслед бегут. Толпа непременно нагнала бы девочку, ведь в девять лет трудно бежать быстрее взрослых мужчин, но тут из-за толпы выехал всадник. Одним ударом сабли он отрубил

Госину голову. Она не знала, но всадник сделал это из сочувствия. Он не хотел, чтобы толпа надругалась над ребенком. Вместе с другими убитыми этой ночью поляками тело Госи бросили в яму без креста и погребения.

Как все-таки мало остается от человека после смерти, грустно думала Лиза. Она закончила складывать Сонины вещи в картонную коробку. Несмотря на то что сестры были одинакового телосложения, Лиза никогда бы не смогла забрать, а уж тем более носить вещи сестры. Нет, она снесет все ее красивые платья в «Лавку радостей», чтобы их носил кто-то другой, кто не знал Сою.

Лиза скрепила последнюю коробку скотчем и села на кровать. Она разобрала все Сонины вещи по коробкам: одежду, косметику, книги и посуду. Вся жизнь самого дорогого для нее человека была собрана в бессмысленные картонные коробки из «Леруа Мерлен», аккуратно расставленные на паркетном полу. Фотографии и сувениры, магнитики из путешествий Лиза, конечно, никому не отдаст. Она принесет их с собой домой и будет смотреть, перебирать вещи, пытаться вспомнить и никогда не забыть живую Сою.

Оставалось убрать квартиру, и Лиза может идти домой. Почему-то эта мысль привела ее в ужас. Как будто если она уйдет из этой пустой съемной квартиры, то наконец окончательно потеряет свою Сонечку. Убираться было необязательно, Лиза совершенно ничего не должна была хозяйке квартиры. Она на секунду даже подумала, что вообще-то надо было бы забрать у нее залог, который годом раньше оставила, въезжая сюда, Соня. Но потом одернула себя и застыдилась. Брать Сонины деньги нельзя. И уйти из квартиры, не убрав ее, тоже нельзя. Это будет предательством сестры, всегда старавшейся держать дом в идеальном порядке. Лиза огляделась – убирать, если уж совсем честно, было особенно нечего. Никакой пыли, никакого мусора, а теперь и никаких разбросанных вещей. Пятна зеленки на кухне Лизу удивили, но они были уже старыми, и оттирать их она не собиралась.

Лиза поднялась, сходила в прихожую, вытащила из сумочки сигареты и закурила. Вернулась обратно в комнату и легла на постель, шумно выдохнув в потолок облако неприятного дыма. Вдруг вспомнила, что Соня никогда не разрешала ей курить дома, и быстро вышла на балкон.

Лиза курила и смотрела на черное небо над Сити. Свет города мешал ей разглядеть звезды, и от этого Лизе становилось только грустнее. Она вспомнила вчерашнюю ссору с матерью: сразу после похорон мать попыталась сначала уговорить, а потом заставить ее вернуться домой, в Саратов. Там безопаснее. Как будто в Саратове пешеходы не гибнут под машинами, сердилась Лиза. Что я там делать буду?

Вся ее жизнь, точнее, все, что для нее было важно в жизни, сейчас сошлось в неприятной и шумной Москве. Ну как это все вдруг бросить? Они с мамой разругались. Некрасиво и громко, так, что на них стали оборачиваться прохожие. К тому же прямо у входа на кладбище, прямо в двухстах метрах от Сони. Лизе было стыдно и неприятно вспоминать эту ссору. Она понимала мамино желание спрятать ее в сумку как кенгуренка, но она отказывалась считать себя кенгуренком. Она взрослая женщина, у нее есть карьера, дом, пусть не собственный, пусть съемный, но свой угол в мире. У Лизы не было молодого человека, но вполне сознательно – ей не хотелось отвлекаться, ей хотелось сосредоточиться на работе, она трудилась архитектором в маленьком бюро и вполне обоснованно рассчитывала уже в самом ближайшем будущем серьезно продвинуться и начать зарабатывать настоящие деньги. Лиза выкинула бычок с балкона. Это был маленький акт агрессии против бессмысленного и чужого ей города. Выкинула и опять застыдилась своих порывов. Соня бы так никогда не поступила.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Лиза пошла за пылесосом. Механическая физическая работа всегда помогает от тоски, она это знала или, точнее сказать, на это надеялась. Лиза отодвинула кровать подальше от стены, чтобы пропылесосить за ней. Из щели, возник-

шей между кроватью и стеной, выпал тоненький iPad. Лиза его прежде не видела. Она подняла планшет и уселась с ногами на кровать, чтобы подробнее его изучить. Сонин пароль она знала, он никогда не менялся – iPad был девственно чист. Почта не настроена, никаких фотографий, никакой музыки. Его, наверное, подарил Соне ее таинственный поклонник, подумала Лиза. Она все еще немного обижалась на сестру за то, что она не познакомила ее с этим загадочным мужчиной, который в самом буквальном смысле слова свел Соню с ума. Лизе не терпелось увидеть его именно потому, что ей хотелось понять, как же выглядит тот, кто сумел прорвать мощную оборону, которую возвела вокруг своего сердца Соня.

Ах нет, одно приложение она все-таки успела поставить. Лиза нажала на значок «ВКонтакте», на котором отображалось два непрочитанных сообщения. Какие-то левые вопросы по работе, Лизе совершенно неинтересные, и она пролистала Сонины чаты дальше. И вот. Вот он. Какое дурацкое имя – Антон!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.